

**Дмитрий Анатольевич Гаврилов
Станислав Эдуардович Ермаков
Боги славянского и русского
язычества. Общие представления**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=600755

Д.А. Гаврилов, С.Э. Ермаков. Боги славянского и русского язычества. Общие представления:

Ганга; Москва; 2009

ISBN 978-5-98882-074-1

Аннотация

Книга «Боги славянского и русского язычества» обращена к неравнодушным и думающим людям, которые предпочитают постигать истоки славянской и русской культуры с научных позиций. Авторы стремятся не столько предложить готовые ответы на вопросы о том, каковы были языческие боги наших предков, сколько побудить самостоятельно искать эти ответы, то есть размышлять, сравнивать и сопоставлять доступные документальные свидетельства, обращаться к подлинно научным материалам, а не довольствоваться тем, что предлагают ширпотребовские издания, научная ценность которых порою сомнительна.

Для широкого круга читателей.

Содержание

От авторов	4
О подходе и методах	6
Род и/или Стрибог?	15
Вопросы и сомнения	24
Белобог и Чернобог. Свентовит и – ...?	26
Вопросы и сомнения	45
Радегаст Сварожич	46
Вопросы и сомнения	54
Велес. Трикстер в славянской традиции	55
Черный и белый боги – сотворцы Мира	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков

Боги славянского и русского язычества. Общие представления

От авторов

Данная книга – закономерное развитие направления поисков, которое авторы наметили в предыдущем совместном труде «Русское языческое мировоззрение: пространство смыслов» (Гаврилов, Ермаков, 2008).

Главной своей целью мы ставили упорядочение понятийного пространства знаний о традиционной языческой культуре русских и славян, в том числе не только в историко-исследовательском, но и, если можно так выразиться, мировоззренческом аспекте.

Разумеется, тема богов и богинь никоим образом не исчерпывает всего многообразия нашей древнейшей мифологии, однако в значительной степени является центральной для современного человека, входящего в Традицию предков. К сожалению, она стала предметом многочисленных спекуляций, широко представленных на книжном рынке России, профанирующих и фальсифицирующих то, что некогда составляло азы миропонимания и жизненной философии древних славян, руси и их ближайших соседей. Тяготее к научному описанию, мы не считаем нужным критически разбирать упомянутые спекуляции и подделки, равно как всевозможный ширпотреб, изданный не то в погоне за наживой, не то еще из каких-либо интересов, околорелигиозных или любых иных.

Естественно, мы опирались на труды многочисленных предшественников. В XIX–XX вв. разные авторы, изыскатели, исследователи, в том числе весьма крупные и авторитетные ученые предпринимали разной степени удачности попытки предъявить современнику облик высшей славянской мифологии. Вспомним первые, робкие еще попытки А. Кайсарова и Г. Глинки в самом начале века девятнадцатого и знаменитые научно-популярные изложения Б. А. Рыбакова в конце века двадцатого. Из числа дореволюционных авторов стоит упомянуть добрым словом А. Гильфердинга, А. Фаминцына, Н. Гальковского, которым удалось придерживаться золотой середины и вместе с тем привлечь огромный для своего времени объем ранее не использованного документального материала.

По ходу книги мы упоминаем немало других авторов, чей, пусть даже негативный, вклад в предмет наших разысканий не позволяет оставить их работы без внимания. Кто-то из них исповедовал априорно националистический подход к «неполноценным» славянам (В. Мансикка¹) или искусственно возвышал пантеон некой части славянства в ущерб общей картине (Л. Нидерле); кто-то не мог отказаться от прохристианской точки зрения (Е. Аничков) или, напротив, показал себя сторонником излишне рационального, атеистического взгляда, лишенного чувства поэтики мифологического мировоззрения (В. Петрухин). Третьи, даже постоянно упоминая именно мифопоэтику, сводили богов исключительно к атмосферным явлениям и к перемене погоды (А. Афанасьев). Даже выдающиеся советские ученые Б. А. Рыбаков, с одной стороны, и В. Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов – с другой, не избежали соблазна выдать за реальность и истину свои собственные красивые, но исключительно тео-

¹ Нельзя при этом не признать, что в труде Мансикки сделаны интересные и полезные наблюдения о происхождении ряда поучений против язычества, что порою заставляет пересмотреть и свидетельства о славянском язычестве, которые в них приведены.

ретические умопостроения: первый – о верховенстве бога Рода, а вторые – «основной» миф о противоборстве Перуна и «Змея-Велеса».

На смену прежним исследователям в начале века двадцать первого пришла новая волна. Ее представители по-прежнему опираются на труды предшественников, но смотрят на тему одновременно и шире, и как бы «изнутри» Традиции. В их числе Л. Р. Прозоров, М. Л. Серяков и другие. Наверное, их работы (как и наша, которую вы держите в руках) также не лишены ошибок или заблуждений, но все же налицо новый качественный скачок.

Вот и мы, авторы этой книги, полагая себя именно традиционалистами, пытаюсь постичь сущность обычая не только умозрительно, но и изнутри, на деле, опыте и в силу личностного отношения, смотрим на богов совсем иными глазами.

Труд наш ориентирован в первую очередь на Русскую Старину (подробнее см. Гаврилов, Ермаков, 2008). Другой вопрос, что понять в ней что-либо без опоры на общеиндоевропейскую традицию, на представления ближних соседей славян и Руси (не обязательно индоевропейцев), невозможно.

Не претендуя на истину в последней инстанции, мы предлагаем вниманию читателей свой собственный подход. Отчасти он опробован авторами в ранее опубликованных статьях, книгах «Боги славян. Язычество. Традиция» (Гаврилов, Наговицын, 2002) и «НордХейм. Курс сравнительной мифологии древних германцев и славян» (Гаврилов, 2006), «Тропой забытого волшебства» (Ермаков, 2005) и др. Вместе с тем мы постарались учесть и допущенные прежде ошибки.

Есть в том своя сложность: в наш электронный век бумажная публикация моментально попадает в Интернет, подчас при этом нарушаются все авторские права... Но главное, оттуда она снова идет в печать – но уже под другими именами. Так что порою по собственным досадным ляпам вполне можно поймать за руку если не плагиатора, то ленищегося думать и мало что смыслящего в предмете сочинителя. А если и не ловится за руку «пользователь» твоих идей, очень сложно объяснить широкому кругу пользователей электронных информационных ресурсов, как, почему и в какую сторону изменился взгляд...

По прошествии лет при более глубоком погружении в предмет исследования у нас возникло и продолжает возникать множество «частных» вопросов, касающихся толкования смысла и «области ответственности» отдельных богов. Те из них, ответить на которые авторы не в состоянии, мы предлагаем читателям в конце каждого раздела. И лучше мы зададим эти «неудобные», если можно так выразиться, вопросы сами – с той целью, чтобы поиск ответа на них не был уделом «узкого круга особо продвинутых лиц». Нас пытались упрекнуть за это, утверждая, будто «народу не нужны вопросы, народу нужны рецепты». Быть может, и так. Но мы обращаем вопросы к тем читателям, кто **хочет и будет продолжать думать.**

Вообще же заметим, что в своих разысканиях мы опирались преимущественно на доказательные первоисточники, признавая таковыми средневековые рукописи, некоторые академические научные труды, данные археологии и этнографии и т. п. При необходимости спорность ряда свидетельств оговорена в каждом случае особо.

Надеемся также, что большое количество редких и в том числе неизвестных широкому читателю иллюстраций также окажутся нелишними.

Авторы выражают глубокую и искреннюю благодарность коллеге по Научно-исследовательскому обществу «Северный ветер» кандидату исторических наук А. С. Клемешову (МГОУ) за высокую оценку их труда и чрезвычайно полезные советы, данные во время работы над рукописью этой книги.

О подходе и методах

Славянская мифология вообще и боги славян в частности – предмет, вызывающий жаростные споры. Споры эти длятся уже много лет, но до сих пор не привели к более или менее удовлетворительному результату. Спорят ученые и любители древностей, спорят верующие и не верующие, христиане и язычники, язычники и сочинители новых мифов... Иначе говоря, все, кто по роду занятий или зову души так или иначе касается этого сложного предмета. Возможно, важнейшая причина споров кроется в малости дошедших до нас однозначных и достоверных сведений, возможно – в скудости человеческого сознания, не могущего охватить глубину обсуждаемых явлений.

Но для начала давайте попробуем разобраться с тем, что же есть боги – с точки зрения языческой и религиоведческой (ибо со всех остальных ответ утрачивает смысл).

Само слово «бог» родственно др.-инд. *bhāgas* «одаряющий, господин, эпитет Савитара и второго из Адитья», др.-перс. *baga-*, авест. *baγa* «господь», «бог» от др.-инд. *bhājati*, *bhājatṣ* «наделяет, делит», авест. *baχšaiti* «участвует», греч. *φαγεῖν* «есть, пожирать». Первоначальное значение – «наделяющий»; ср. др.-инд. *bhāgas* «достояние, счастье», авест. *baγa-*, *baga-* «доля, участь». Таким образом, «бог» означает «податель» и, по некоторым предположениям, может являться первоначальным именем (эпитетом) собственно Творца.

Древнерусской литературе присуще безымянное обличение тех, кто «во твар вероват, в солнце и в месяц, и во звезды, и инии ижи в море и в реки, и во источники, и в дерева польская, и во звери, и во огонь, и во иныя вещи различная». Богов «“нарицали” на земле, в воздухе, реках, ручьях, солнце и луне» – точнее, во всех природных стихиях... (Слово св. Кирилла о злых духах).

Деревянные домашние идола IX-X вв. из раскопок в Новгороде

Куда правильнее, на наш взгляд, вести разговор об отражении в культурах и языках разных народов, относимых к древу одного протоязыкового корня, неких всеобщих понятий. Всерьез говорить об индийских, германских, славянских, греческих и прочих богах как об отдельных сущностях означает ставить их в зависимость от человека, его племенной и/или этнической принадлежности. И подход этот, по большому счету, не языческий, не научный,

а тупо-атеистический, антропоцентристский («все божественное есть отражение социального»).

Конечно, и такой взгляд имеет право на существование. Богов можно рассматривать в том числе как единое племя от крови Бога Богов (Гельмольд, 1963 – см. раздел «Белобог и Чернобог. Свентовит и – ...?»), род, в котором распределены обязанности: скажем, Род – старейшина и глава племени (рода), Велес – божественный шаман и волхв, Сварог – кузнец, Перун – карающий судья, следящий за соблюдением Правды... и т. д.

По логике же ревнителей «этнической чистоты» богов, и область их влияния не распространяется далее области обитания племени, а уж в современных условиях за пределами государственной границы России и вовсе действуют божества иностранные (иноплеменные, на старый лад).

Известно, впрочем, свидетельство о том, что на каждом корабле русов имелся набор божовых столпов, который перевозили с места на место вдали от родной стороны и земли. Вероятно, русы сами считали себя младшим членом такого божественного рода и обращались к старшим родичам по средствам чуров (Ибн Фадлан, 1956). Разумеется, сам такой столп едва ли воспринимался как собственно божество, но использовался, выражаясь современным языком, как направленная антенна или резонатор.

Одновременно все же боги – и мировые силы, проявленные в окружающем мире. Эти Сущности и Над-личности разные индоевропейские народы именовали по-разному, каждый на своем языке, но подразумевали одно. История пестрит такими примерами. Подтверждения тому мы найдем у Геродота и Плутарха, у Цезаря и Тацита, у Гальфрида Монмутского и безымянного переписчика Ипатьевской летописи или сочинителя поучений против язычества и др. Язычники (не только индоевропейцы) видят в богах своих очень отдаленных, но прямых предков, выдающихся героев прошлого. Надо думать, по отношению к ним предки-герои, образно говоря – боги младшие, действующие в рамках этносов. Можно углядеть здесь некое противоречие, но на деле его нет, да и быть не может. Такова особенность мифологического сознания, которым только и может обладать подлинный язычник.

Но нелепо в духе «квасного патриотизма» утверждать, что славянская молния ярче германской, а русская магия могущественней скандинавской, что любовь в нашем народе подчиняется законам иным, чем у наших ближних соседей, а небо у нас более обильно дождями, и земля урожайнее, и солнце ярче, и гравитация (тяготение Земли) в рамках стран бывшего СССР какая-то особая, и электричество здесь бегаёт по проводу не так, как за рубежом... и так далее. Однако присущее некоторым фольклористам XIX в. и их последователям само представление о богах только как о погодных явлениях неверно.

Стремящимся представить и осмыслить славянские пантеоны, на наш взгляд, лучше придерживаться следующих основополагающих подходов:

1. Не надо «плодить» лишние сущности. Число фундаментальных мировых сущностей ограничено, значит, и число собственных имен богов не беспредельно, что не исключает куда более великое множество эпитетов, «хейти», прилагательных, и прозвищ, заменяющих главные Имена. Нередко можно услышать: «Сколько богов было в Северной Традиции?» Вопрос отчасти бессмысленный – ведь чем более всеобъемлюща Сила, тем больше у нее имен. Мы давно не живем в той исторической действительности, у нас иной образ жизни, другая работа, чем у людей времен расцвета язычества. Едва ли мы сейчас достоверно определим, где истинное имя, а где эпитет. Важно, чтобы они «работали». Так, ведические индоевропейцы считали, что число высших богов кратно тридцати трем.

2. Необходимо опираться на общую традицию – хотя бы потому, что славянские языки относятся к группе индоевропейских. Некогда боги были осознаны некой этнической общностью и впервые поименованы на ее праязыке. Естественно ожидать, что, как был един

праязык, так был един и пантеон. Кроме того, Един и высший Создатель, Он же – разрушитель и хранитель Вселенной (например, в ведах это Рудра).

3. В деле определения свойств и черт славянских богов и богинь множество толков и разночтений даже в научной литературе. С этим нельзя не считаться! Что уж тут говорить о литературе бульварной, заполонившей полки книжных магазинов! Причина тому – утрата в ходе нескольких религиозных реформ и социальных катаклизмов реальных письменных источников или даже отсутствие достоверной развитой письменной традиции у славян времен расцвета язычества, какую мы наблюдаем, например, у тех же греков или северных германцев. Нужно иметь в виду, что большинство предположений, в том числе порою и основанных на прямых свидетельствах очевидцев, носят все-таки условный характер. Сегодня достоверно восстановить все тонкости понимания богов в прошлом почти невозможно.

4. Учитывая общность происхождения индоевропейских и прослеживающиеся в их древнейших культурных слоях близкородственные черты, **мы считаем допустимым использовать для понимания славянских богов так называемый метод аналогий.** Он основан на сопоставлении сведений о славянской мифологии и мифологии их ближайших родственников и соседей. При восстановлении пантеона необходимо ориентироваться на первоисточники или, если не удастся ознакомиться с исходным текстом, на их адекватные пересказы.

«... Даже в такой сложной мифологии, как классическая греческая, где простейшие мифологические мотивы чрезвычайно затемнены позднейшими наслоениями, даже там не трудно обнаружить элементарные мифы, мало чем отличающиеся от примитивных мифов самых отсталых народов» (Токарев, 1999).

В данном случае уместно также вспомнить парадокс, на который применительно к истории обратил внимание известный норвежский культуролог Й. Хейзинга: «Знание истории всегда носит чисто потенциальный характер. Не только в том смысле, что никто не знает мировой истории или даже истории крупного государства во всех возможных подробностях, но и в том гораздо более важном смысле, что всякое историческое знание об одном и том же предмете – независимо от того, является ли этим предметом город Лейден или Европа в целом, – выглядит в голове ученого А совсем не так, как в голове ученого Б, даже если оба они прочли абсолютно все, что можно было прочесть на данную тему. Мало этого, даже в голове ученого А сегодня оно уже выглядит не так, как вчера. Или еще лучше: оно никак не выглядит вовсе, ибо ни в какое мгновение не может обрести завершенную форму. В отдельном мозгу историческое знание никогда не может быть чем-то большим, нежели память, откуда могут быть вызваны те или иные образы. In actu [Активно] это знание существует лишь для пришедшего экзаменоваться студента, отождествляющего его с тем, что написано в книге» (Хейзинга, 1997, с. 218).

5. По мере расширения человеческого знания **представления о пантеоне могли и даже должны были меняться**, как менялся общественный уклад, взгляды на верховенство в роду, племени и народе. Можно сказать, что на определенном отрезке времени один бог у славян главенствовал, а другой пребывал «в ущербе». Например, по одному из Поучений против язычества славяне сначала поклонялись упырям и берегиням, потом Роду и Рожаницам, потом первое место занял Перун, а почитание Богини-Матери некогда могло предшествовать вере в Небесного Отца, хотя в силу внешних и внутренних обстоятельств почитание богини могло вновь выходить на передний план.

6. **Даты проведения обрядов**, посвященных богам, а равно **вехи народного календаря условны**, за исключением разве некоторых (например, Купала – летнее солнцестояние или Коляда – зимнее), и будучи приведены, например, для средней полосы российского

Нечерноземья, могут (если не должны!) смещаться как в силу местных особенностей, так и в зависимости от широты и долготы. Будут различаться в частностях и формы обрядности.

Обобщенно можно сказать, что пантеон есть отражение (и не обязательно совершенное!) представлений язычника о месте Сил и предков в окружающем мире и их влиянии на природу и общество.

Современным язычникам не воссоздать «запросто» пантеона, который бы устраивал решительно всех, если не положить в его основу некие долгоживущие концепции и теории развития Сущего и Не-сущего, показавшие свою действенность уже сегодня. Пантеон должен постигаться в развитии или это постижение следует, по меньшей мере, сочетать с историко-родовым подходом, на основе совокупности присущих традиционной культуре ключевых установлений.

7. Еще одним путем восстановления пантеона ныне может стать широко используемая в физике Теория симметрий. Здесь имена богов оказываются операторами симметрии, а их действия – преобразованием симметрии начала начал Мира.

Ярким примером вездесущей симметрии в пантеонах и вообще традиционной культуре индоевропейцев являются противопоставления мужского и женского, Неба и Земли, Солнца и Луны, и т. д., более общо называемые в науке *бинарными оппозициями*.

Если у Мира лишь одно Начало, то на некоем «метауровне» едины и Мировые Силы, родившиеся в начале начал и творящие Все. Но мы именуем их на разных языках и обращаемся лишь к некоторым в силу исторически сложившегося в народе восприятия. Вот почему нам все-таки можно говорить о «русских», «славянских», а отчасти и о «индоевропейских» богах как о родных, близких нашему мировосприятию и образу мыслей. И нужно различать чужих, чуждых и даже враждебных нам и роду нашему богов.

8. В целом же единый общеславянский пантеон, видимо, не существовал никогда – разве что короткое в историческом смысле время на ранних этапах формирования (вычленения) праславянской общности из индоевропейской. Каждое племя (если не каждый отдельный род) по мере развития представляло и называло богов по-своему, отталкиваясь от общей основы. Условно можно говорить о северной (северо-западной) традиции и южной традиции его построения. Южную в нашем понимании отличает то, что во главе сонма богов оказывается Громовержец (как, например, в Древней Греции и Древнем Риме), а Северную – то, что Громовержец лишь один из многих богов, и он менее значим, нежели бог знания, магии и Дикого мира.

Расселение славян в VI-VIII вв. (по В. В. Седову)

Подготовка к жертвоприношению. Реконструкция (кадр из исторического документального фильма «Славяне», производство Польша, 1984 г.)

«Анализируя религиозную ситуацию в дохристианской Руси, нельзя не учитывать, что по основным структурным характеристикам восточнославянский политеизм был идентичен политеистическим верованиям финно-угорских народов Восточной Европы. Распределение богов по их принадлежности к “верхнему” или “нижнему миру”, их связь с теми или иными сферами хозяйственной и общественной жизни четко прослеживается в религиозно-мифологических традициях поволжско-финских или прибалтийско-финских народностей. <...> Много типологических параллелей с традиционной обрядностью и магическими верованиями славянских народов можно найти в аграрных и семейных ритуалах финно-угров» (Карпов, 2008, с. 46).

Отсутствие источников приводит зачастую даже к отказу славянским богам в «праве на существование», а дошедшие до нас свидетельства о вере в них рассматриваются как поздние домыслы, эдакая «литературная игра» (см., напр., Ловмянский, 2003). Обратная сторона – стремление выдумать сонмище богов, следуя, видимо, принципу «чем больше – тем лучше», которой грешат многочисленные нынешние реконструкторы, мало знакомые как с историей и основной логикой развития мифа и мифологического мышления, так и с особенностями традиционного мировосприятия.

Принесение жертвы. Реконструкция (кадр из исторического документального фильма «Славяне», производство Польша, 1984 г.)

9. Вместе с тем именно они-то и есть своего рода **отправные точки** для тех, кто стремится восстанавливать не только «формальную», но содержательную сторону древних верований не только славян, но и других народов.

«Рационалистические представления о природе, производственных процессах, общественных отношениях переплетались, а порою сливались с представлениями фантастическими, в которых миром, судьбами людей и вещей управляли грозные, могущественные и многообразные силы. Мифология и языческие верования народов Балтики далеко не в полном объеме дошли до нас. По существу своему эти представления не очень различались у

разных племен; божества и другие сакральные силы славян и скандинавов, балтов и финнов оказываются вполне сопоставимыми» (Славяне и скандинавы, 1986).

Однако попробуем представить себе – в самых общих чертах, не более! – мир Европы (не хорошо известное Присредиземноморье) в пору складывания славянских племен.

Уже две тысячи лет назад славяне (или их предки), заселявшие часть Восточной и Центральной Европы, отнюдь не были тем единым народом, который представляют себе далекие от исторической науки люди. Рядом с древнейшими времен жили и племена, не относящиеся к индоевропейской группе – финно-угорские, например, а также те, о происхождении которых мы можем сказать немного. Археологически славяне уверенно выделяются лишь к VI в. (хотя ряд серьезных ученых сдвигает эту дату назад примерно на 600–1 000 лет раньше, см., напр. Мавродин, 1945; Алексеев, 2005).

Славянское языческое святилище в представлении художника XIX в. имеет весьма мало общего с историческими и археологическими свидетельствами. Тем не менее, увы, рисунок до сих пор «в ходу»

Единая индоевропейская общность к тому времени давным-давно уже распалась на отдельные группы, многие из которых успели уже перебраться далеко-далеко от мест, где когда-то возникли. Иноплеменники где-то жили в тесном соседстве, даже в одних селениях, где-то враждовали; где-то смешивались друг с другом или с народами других групп. Потому война то утихала здесь, то начиналась там...

Для нас не так важно, что именно происходило. Важно, что все народы, с одной стороны, сохраняли немало общего в верованиях и представлениях:

«...Все славянские боги неба, как по значению, так и по именам своим имеют много поразительного сходства и тождества с богами солнца и грома у всех древних народов. Прежде всего здесь должно упомянуть о литовских и скандинавских мифах, которые в некоторых преданиях так тесно связаны с славянскою теогониею, что даже трудно определить, кто у кого заимствовал эти верования, так, напр., понятия Перуна и Перкунуста, Пекола и Пикольника, Лады и Лаймы, Вода и Водима (Одина), Тура (Турица) и Тора, Прыы и Фрей и пр. и пр.» (Шеппинг, 1997, с. 15).

Западнославянское домашнее святилище. Реконструкция. Скансен в Гросс-Радене (фото Д. Ждановой, 2007)

С другой стороны, верования все более различались между собой. Если добавить к тому неперенную борьбу идей, служителей тех или иных богов за влияние на умы, то картина получается чрезвычайно непростая.

Немалое значение имело и то природное окружение, в котором прорастали побеги некогда единого древа, – ибо мало что столь же сильно влияет на отношение к окружающей действительности. Одно дело – богатое и теплое Средиземноморье; другое – горные массивы (Кавказ, например); третье – холодные северные фьорды в свете полярных сияний и уж совсем четвертое – лесная полоса. Именно в лесной полосе Европы жили те индоевропейские народы, которых в VI в. нашей эры авторы письменных источников начинают называть по неким признакам (прежде всего, вероятно, по общности языка и обычаев) славянами (склафинами) – используя, как теперь полагают ученые, их самоназвание. Не так важно для нас сейчас, какое именно междуречье – Вислы и Одера или Двины и Днепра – стало «точкой отсчета». Однако факт остается фактом: от Балтики до Византии, от Альп до Волги более или менее плотно заселили земли наши с вами прямые предки или, скажем так, родственники. Да, они разнились все больше и больше, но жили сходным, пусть и не одинаковым укладом: земледелие, животноводство, промыслы (охота, рыболовство, бортничество)...

В Центральной Европе, этом бурлящем котле племен и народов (от иных и имени-то до нас не дошло), или на юге Восточной Европы, в опасной близости от путей кочевников, вероятность нападения врагов всегда была выше. Да и сами тамошние славяне по нраву были... скажем так, пожестче, отнюдь не мирными землепашцами диковатого вида – от сохи да гумна.

«В древних обществах вообще практически сливались особенности хозяйствования, быта, культуры и религии. А потому и понять их можно лишь в комплексе. Это означает, что первостепенное внимание должно быть уделено именно этническим отношениям. Как правило, этносы древности и сохранялись до тех пор, пока их цементировала религия. Но и вливаясь в новую общность, распавшийся этнос приносил что-то свое, более или менее значительное, часто пробивающееся сквозь века через народность вплоть до наших времен. <... > речь идет не о сумме однопорядковых явлений и тенденций, и проивоборство их тем острее, чем ближе затрагиваются собственно социальные проблемы» (Кузьмин, 2005, с. 19).

И все же славяне сохраняли до поры (а во многом и по сей день) сходство языков, похожие обычаи и восприятие мира. Как было сказано, очень многое в этом восприятии роднило их с другими индоевропейскими народами, но именно у славян оказались одними из немногих членов большой индоевропейской семьи, сохранивших изначальные, древнейшие представления. Так уж, что называется, получилось, а почему – разбираться будем не здесь и не сейчас. Кроме того, они никогда не отказывались заимствовать что-то у своих соседей, а соседи, в свою очередь, заимствовали у них. Это и привело к частичному смешению и наложению верований, представлений и обрядности. Естественно ожидать, что так происходило в областях, где общение разных народов было более плотным и тесным.

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами возникают вопросы, окончательного ответа на которые честные ученые до сих пор дать не в состоянии:

– успели ли славяне (помимо балтийских славян) до своего крещения в IX-XII вв. разработать сложную многоуровневую мифологию и, соответственно, развитые пантеоны?

– продолжалось ли «дотраивание» славянской мифологии после крещения там, куда не добралось христианство или там, где славяне уцелели как этносы?

– какова степень влияния христианской религии на традиционные славянские верования – если учесть, что контакты с ее носителями начались задолго до крещения самих славян?

– какова мера влияния на известную нам мифологию и верования славян народов неиндоевропейских языковых групп?

– в каком соотношении между собою находятся верования различных славянских племен (с побережья Балтики и среднерусской равнины, Адриатики и Центральной Европы) и региональных групп (западные, восточные, южные)?

– до какой степени глубины допустимо проведение параллелей между славянскими божествами и божествами индоевропейского, германских, кельтских, греческого, римского и других пантеонов?

Род и/или Стрибог?

Имя **Род** встречается в многочисленных церковных поучениях против восточнославянского язычества с XII по XVII в. (Мильков, 1999; с. 95, 101, 333, 366–367, Гальковский, 1913, т. 2).

Значение слова «Род» применительно к славянскому пантеону вызывает немало вопросов. И. И. Срезневский в числе синонимов слова «Род» приводит «геенна, огонь неугасимый». Он же указывает, что это – имя божества древних славян (Срезневский, 1989, т. 3, ч. 1, кол. 135–138). В Слове Исаяи пророка (XII в.) Род и Рожаницы как бы противопоставлены самому библейскому богу-творцу: «... Служат Богу и волю его творят, а не Роду, ни Рожаницам, кумиром суетным...».

«Того ради не подобает христианом игр безовских играти, иже ест плясание, гудба, песни мырския и жрътва идльская, иже молятся огневи пре овином и вилам и Мокошии и Симу и Рьглу и Перуну и Роду и Рожаници...» – предупреждает Слово о мздоимании (Там же, с. 84–89).

В XVI в. в «Уставе преподобного Саввы» находим исповедальный вопрос: «*Не сблудила ли с бабами богомерзкие блуды, не молилася ли вилам, или Роду и рожаницам, и Перуну, и Хорсу, и Мокоши, пила и ела?*» (Аничков, 1914, с. 267).

Казалось бы, особое положение Рода в славянском пантеоне вполне доказательно обосновано академиком Б. А. Рыбаковым (Рыбаков, 1981, с. 438–470). Отталкиваясь от обратного, он сделал широко известный вывод об исключительной роли Рода у славян, опираясь на текст: «...Вседержитель, иже единъ бесмертен и непогибающих творец, дуну бо человеку на лице дух жизни, и бысть человек в душу живу: то ти не Род седа на воздусех, мечеть на землю груды, и в том ражаются дети... Всем бо есть творец Бог, а не Род» (Слово о вдуновении). Справедливости ради отметим, что мысль не нова. Она появилась еще в XIX в., но в полной мере ее развил и явил миру Б. А. Рыбаков.

Большинство современных последователей природной веры вслед за Б. А. Рыбаковым, одним из наиболее ярких и в то же время неоднозначных по ряду высказываемых концепций² историков XX столетия – называют в качестве Бога-Творца именно Рода.

«Обожествление Рода вряд ли случайно. Священный смысл божества заключен в его имени, и каким бы ни было это имя, до нас не дошедшее, символично, что табуировавшее его слово было словом *Родъ*. Еще в прошлом веке К. Н. Бестужев-Рюмин писал: “Что касается Рода, то нечего искать в нем предка, а надо остановиться на свидетельстве одной рукописи XVI века, приводимой Н. В. Калачевым: “То ти не Род седа на воздусе мечет на землю груды, и в том рождаются дети”. Таким образом, Род не есть олицетворение рода (*gens*), а сам создатель” (1872, с. 24). Б. А. Рыбаков считает это указание важным и согласен с Бестужевым-Рюминым, а между тем в его работе ясно говорится: “не Род” все это делает, а кто-то другой, и ниже становится ясным, кто именно: “Всем бо есть творец бог, а не Род” (Рыбаков, 1981, с. 449). Согласиться с тем, что язычники противопоставляют Рода христианскому Богу, значит утверждать единобожие древних славян, что, конечно же, странно. Славяне – язычники, они поклонялись многим богам, которых христиане называли впоследствии бесами. Родъ, скорее всего, – выражение обобщенного представления культа предков и плодородия, на что указывает и этимология корня (**ǫrd-* ‘успех, урожай, прибыль’, но и ‘забота’; см.: Трубачев, 1959; на с. 152 говорится о том, что корень имеет также значение ‘происхождение’). Лишь в позднейшей традиции *Родъ* упоминается наряду с наименовани-

² Под неоднозначностью имеется в виду спорность выводов, которые делал глубоко уважаемый ученый, крупный археолог и историк, в том числе в книгах «Язычество древних славян» (М., 1981) и «Язычество Древней Руси» (М., 1987).

ями атрибутов “воинского бога”, обычно свойственных Перуну: гром и молния (Рыбаков, 1981, с. 452)» (Колесов, 2000, с. 24–25).

Однако при внимательном прочтении текста, а главное, знакомстве с другими источниками, возникает достаточно много замечаний и вопросов к его представлениям о язычестве древних славян. Например, из текста «Слова о вдуновении...» никак не следует, что именно Род является богом-творцом, хотя именно ему противопоставляется. Можно сделать лишь вывод, что Род, по представлениям язычников, участвует в зачатии и/или рождении детей, а также как-то соотносится с воздушной стихией.

Нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: языческие воззрения древних славян, как они предстают в трудах Б. А. Рыбакова (1981, 1987), *уже не вполне соответствуют современным научным знаниям* об уровне общественного развития, достигнутого нашими предками накануне внедрения христианства. Вкратце поясним свою мысль.

Появление четко упорядоченного, иерархически выстроенного пантеона присуще народу (народам), который уже образовал единое государство. О славянах VII–IX вв. мы этого сказать не можем. Протогосударственные образования появляются лишь у отдельных племен, которые – невзирая на общность языка и культуры – уже достаточно далеки друг от друга. Держава князя Само³, пусть недолговечная, появляется в VII в., а раннефеодальное государство, известное нам ныне как Древняя Русь, окончательно складывается лишь в X–XI вв. (см., напр., Кузьмин, 2003). С другой стороны, славяне долго сохраняют многие древнейшие черты времен единства общности.

Индоевропейцам присуща вера в некоего единого бога, подателя благ и творца (Дюмезиль, 1986). В то же время в языческих верованиях славян отчетливо прослеживается и сильное матриархальное начало.

В самом деле, родовые отношения и развитый культ предков не могли не сделать значимым некое божество, прародителя и родителя рода, племени, народа. Как говорится, если бы его не было, его следовало бы придумать. Но действительно ли его *называли Род? И всеобщим* ли он был?

Вопросов возникает очень много, куда больше, чем может показаться. Часть из них – в конце этой главы...

Впрочем, нельзя не вспомнить, что Прокопий Кесарийский (VI в.) писал о «склавиных и антах»: «Они считают, что один только Бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу; и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение им куплено ценой этой жертвы. Они почитают и реки, нимф, и всяких других демонов, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания» (Свод..., с. 183).

Надо думать, Прокопию Кесарийскому греческий Олимп был известен «с пеленок» и, казалось бы, ему проще пойти по пути Геродота, именовавшего скифских богов греческими именами, или Плутарха, который именвал по-эллински богов египетских. Но почему-то Прокопий предпочел говорить о Едином «склавинов и антов» иносказательно, не называя его Зевсом или Юпитером. Это лишний раз подтверждает, что отнюдь не Громовержец в представлении тогдашних южных славян был высшим божеством их пантеона. Прокопий

³ Само (?–658), славянский князь (с 623), основатель первого политического объединения западных и части южных славян, т. наз. государства Само, предположительно с центрами в Моравии и Ср. Подунавье. Государство Само боролось с аварами и франками; распалось после смерти основателя.

посчитал, что сравнивать с Единым Зевса (в поучениях против язычества позднее сопоставляемого с Перуном) неправильно.

У ведических ариев (середина II тыс. до н. э.) стрелами-молниями владел грозный бог (но отнюдь не громовник!) – Рудра (см., напр., РВ, 7.46.1). В Атхарваведе сказано: «Красным Он поражает того, кто ненавидит Его». Творцом же молний у ариев был Тваштар, выковывающий оружие громовержцу Индре (см. раздел «Сварог»).

Прабог, Единый⁴, Рудра «по определению» древнее демиурга Тваштара – благоустраителя, который упорядочивает уже существующий первородный мир, выковывает солнце, небосвод и жилища Богов. Рудра – «владыка этого огромного мира», «сильнейший из сильных». Он и есть «бог богов» индоевропейцев в представлении ариев (РВ II, 39, 9; I, 43, 1–4.). В Ведах вездесущий Рудра выступает и в негативном проявлении – как разрушитель Мира.

Если принять точку зрения, что главный бог индоевропейцев и (пусть даже в более позднее время) славян – повелитель молний, восходящий к Рудре, то напрашивается вывод, который уже делали многие авторы: верховный бог славян – *Перун*. Но Перун всего лишь громовник, он не кует солнце и небосвод. Сопоставимы ли по значимости в божественной иерархии Рудра и Перун? Ни в коем случае: Рудра и громовник Индра – совершенно разные боги! Да, маруты-рудры, «дети» Единого (Сущего в Не-Сущем) Рудры сопровождают Индру, но сам Индра, сколь бы велик он ни был, в представлениях ариев с Единым не сопоставим.

⁴ Ср.: «Сколько же в действительности богов, Яджнявалькья? – Один» (Брихадараньяка-Упанишада III, 9).

Если Род существовал как особое, выделенное божество, то его вполне могли изображать именно так.

«... Мужчина с вытянутым лицом, на котором обозначены глаза, нос, рот и подбородок. Голова завершается полукруглой шапкой, придающей всей скульптуре четко выраженную фаллическую форму. Общая высота идола около 70 сантиметров... Шекснинский идол разделит судьбу многих языческих изваяний, брошенных в воду во время принятия христианства... Место, где в 1893 году при расчистке русла Шексны обнаружили идола, приобретенного затем новгородским собирателем древностей В.С. Передольским, остается, к сожалению, неизвестным. Есть, однако, серьезные основания полагать, что идол – из древнего города Белоозера или его ближайших окрестностей. Район Белоозера был центром славянского населения, а каменные идолы, подобные шекснинскому, встречаются на территориях, занятых лишь славянами, а не финно-уграми» (Н. А. Макаров, цит. по: Колесников, 1971)

Авторитетный историк религий М. Элиаде отмечает: «... Оплодотворители сменяют небесных богов. – Вытеснение богов неба божествами грозы и порождения проявляется также и в сфере культа» (Элиаде, 1999, с. 190). Он указывает на характерную для разных народов смену главенствующих божеств с небесных на Громовника или бога плодородия (что чаще всего одно и то же). По его наблюдениям, подобная смена происходит не только у индоевропейцев. Но в выраженном виде эта смена прослеживается разве что у греков и

римлян (и на недолгий срок – у восточных славян), а не у всех без исключения народов индоевропейского древа. Возможно, дело в особенностях географического положения этносов и их исторического развития (вопрос, требующий отдельных разысканий).

Кстати, «Новгородская кормчая книга» (1280) содержит тексты, в которых осуждаются те, «иже въ получай върують и въ родъсловие, рекъше в рожаница» – то есть, согласно И. И. Срезневскому, в судьбу (Срезневский, т. 3, стб. 141). Поэтому уместно связывать Рода и с судьбой (особенно в связи с Рожаницами).

* * *

В источниках, возможно, названо еще одно вполне конкретное славянское прозвание Первобога, старого бога: Стрибог. Кто не помнит эпического: «Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полкы Игоревы»?

Стрибога ошибочно принято считать исключительно богом ветров. Он упоминается в древнерусских источниках (ПВЛ под 980 г.; «Слово о полку Игореве...», по учениях против язычества). Вместе с тем в Польше имеется название населенного пункта близ Скерневиц *Strzyboga*, что делает сомнительным предполагаемое Фасмером и Трубачевым заимствование из древнеиранского **Srobaya* – “возвышенный бог”. «Это имя толковалось как исконно-слав. – “устроитель добра” – и сблизалось со **strojiti* (см. строить)... Но от **striti* ожидалось бы **striibogъ*» (Фас мер).

Рельеф, предположительно изображающий древнеболгарского языческого жреца

Имя «Стрибог» часто пытаются истолковать как «старый бог» – дядя, тятя, отец, старший, опираясь на древнерусское *стрый* – «дядя по отцу». Последнее слово сравнивают с др.-инд. *pítṛyaś* «брат отца, дядя», авест. *tūīrya-*, лат. *patruus* «брат отца, дядя», греч. *pátērōs* – то же, д.-в.-н. *fatureo* – то же, *fetiro*, нов.-в.-н. *vetter* «кузен, двоюродный брат». Сюда же относят древнерусское собственное имя Строй (Фасмер; Трубачев, 2006, с. 79–81).

Б. А. Рыбаков предполагал, что Стрибог не столько собственное имя, сколько эпитет, определение Единого, верховного божества как отца Вселенной: «Стрибог (“бог-отец”)... Род (“рождающий”) – эти слова могли означать одно патриархальное мужское божество, пришедшее на смену архаичным представлениям о Небесных Владычицах» (Рыбаков, 1981; также см. Гаврилов, Наговицын, 2002, с. 377–382).

У болгар и боснийцев известно поверье, что ветер посылают людям Бог и святой Илья. Хорошо известно, что святой Илья заместил древнеславянского Перуна, связанного с грозой, а значит, и с ветрами. Кто же (или что) тогда «Бог»? Может быть, Богом называли именно

Стрибога, «Старого/старшего бога», «Бога-отца»? О значимости этого великого бога говорит его место в перечислении языческих кумиров из летописей.

Но, по большому счету, это не слишком удачное истолкование, ибо слово «Стрый» довольно уверенно указывает на степень родства, отличную от «первой». Стрый – **родственник**, брат родителя, но **не** родитель. Сокращение же слова «старый» как «стрий» в источниках неизвестно...

Татищев со ссылкой на Мацея Стрыйковского и изъятия из «рускаго древняго летописца» указывает, что у славян были: «1) Перун, грома бог, ему же неугасаемая жертва от дров дубовых, яко у грек и римлян Юпитеру содержана, 2) Стрибо, 3) Мокос, скотов [бог. – *Авт.*], 4) Хорс, 5) Дидо, богиня брака и любви, 6) ея сын Ладо, или Лело, равный Купиде, 7) Тор, 8) Купало и пр.» (Татищев, т. IV, с. 116).

Однако суждение о том, что до реформы Владимира, который «...княжа в Киеве и постави кумир на холме вне двора теремного Перуна древяна, а голова его серебряна, а оус золот, и Хорса, и Дажьбога, Стрибога, и Семаргла, и Мокошь» (ПСРЛ, II, 56), Перун занимал лидирующее положение, представляется весьма сомнительным. Сегодня эту точку зрения у нас рьяно отстаивают разве что Л. С. Клейн (Клейн, 2004) и, отчасти, В. Я. Петрухин.

Правда, последний при этом полагает еще и что «при этом учрежденный Владимиром в Киеве пантеон едва ли мог представлять собой реальное средоточие религиозного культа, собрание богов с дифференцированными функциями. Судя по лингвистическим реконструкциям, основанным на значении теонимов, функции божеств этого синкретического пантеона дублировались и пересекались – Хорс и Дажьбог воплощали солнце, Дажьбог и Стрибог давали и “простирали” благо. Симаргл, если сопоставлять его с Сэнмурвом, вообще “выпадал” из высшего “божественного” уровня, будучи химерическим существом, собакой с птичьими крыльями, вестником богов, но не персонажем одного с ними ранга. Показательно вместе с тем, что Симаргл замыкает список мужских “божеств” – далее следует единственный женский персонаж пантеона, Мокошь, чье имя определенно связано с представлениями о плодородной влаге, “матери – сырой земле”; таким образом, находит себе объяснение и место Симаргла – посредника между небесными богами и богиней земли. Летописный список богов, очевидно, не был конструкцией древнерусского книжника, а во площал древнерусскую языческую космологию – летописные списки имен (этнонимов, антропонимов) вообще отличались особой точностью передачи традиции и особой структурой, когда список начинался с главного (обобщающего) персонажа и т. д.» (Петрухин, 2004, с. 250)⁵.

На наш взгляд, постановка в источниках Перуна на первое место связана с обращением к реформе Владимира – событию яркому, но неоднозначному. Но, быть может, Стрибог и есть эпитет (прозвание) того же Бога-вседержителя, «подспудно» присутствующего в договоре князя Игоря с греками и отличного от Перуна?

В поучениях против язычества встречается жалоба, что в народе-де «кумирьскую жертву ядять... верують Стрибога, Дажьбога и Переплута, иже вертячеся ему піють в розех» (Лет. рус. лит. 99, 108-9).

⁵ В числе критиков взглядов Б. А. Рыбакова стоит упомянуть и украинского исследователя Н. И. Зубова, который, комментируя «Слово св. Григория...», пишет: «...Названия род и рожаница <...> предстают в том изначальном нарицательном смысле, который, очевидно, и вкладывали в них первые древнерусские составители документа: род – это ‘тот, кто родился’; рожаница – это ‘та, которая рождает’. В более позднее время нарицательное название *род* на фоне других собственных имен языческих богов еще церковниками было переосмыслено как имя собственное. С названием рожаница этого не могло произойти, поскольку оно в памятниках изменяется по числам, чего не бывает в грамматике имени собственного. А еще позже это представление о Роде вошло и в научное обращение. Фактически же языческие славяне особого бога по имени Род (или даже низшего демона под таким названием), скорее всего, не знали и почитать его не могли» (Зубов, 1995). В приведенных строках особое внимание, на первый взгляд, привлекает рассуждение об численных изменениях слова «рожаница», но по здравом размышлении оно все-таки представляется поспешным.

Стрибога могли изначально считать богом пространства и неба. Соотнесение понятий «пространство» и «ветер» знаково. В известном смысле ветры – то, что деятельно заполняет и, если можно так выразиться, определяет пространство. Сказки приписывают ветрам всеведение (по крайней мере, прослеживается некая связь с судьбой). Всем памятна сказка А. С. Пушкина о спящей царевне и семи богатырях, где королевич Елисей узнает о судьбе своей суженой от ветра. В мифах многих народов они переносят вести и волю богов. В «Слове о полку Игореве...» ветры названы «Стрибожьими внуками». Поход Игоря неудачен и направлен на нарушение порядка и единства как в Русской земле, так и в степи. Вот Стрибог и гневается, через своих внуков предвещая беды, написанные ослушникам «на роду». Его внуки-ветры разгоняют тучи, очищают небо, символически участвуют в борьбе. Они имеют стрелы-молнии и копья.

Рудра, как и Стриба, считается прародителем ветров-марутов (рудр), старым Богом.

Полезно обратиться и к образу карело-финского Укко, который почти полностью соответствует индоевропейскому представлению о верховном боге-творце – о Боге, Стрибоге или даже Роде.

Уже из самой первой руны Калевалы мы узнаем о том, как Укко посредством ветра и воды зародил в жене своей Ильматар, раздув ей чрево, великого песнопевца Вяйнямейнена и помог богине при родах. В образе Утки на колене Ильматар Укко свил гнездо и снес железное яйцо первотворения, из которого произошел весь прочий Мир.

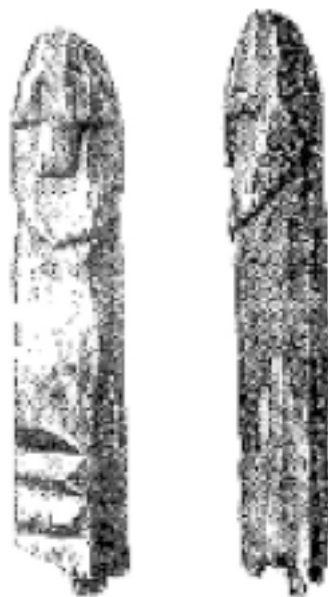
Существенно, что от того же ветра понесла и черноликая слепая богиня Ловьятар, породив благодаря совету Укко (и при посредстве Лоухи, «Похьелы хозяйки»), девять злых сыновей, несущих беды всем смертным. С большими ухищрениями их побеждает сам Вяйнямейнен (руна 45).

Как Единый, Укко равно поддерживает и созидательное («доброе»), и разрушительное («злое») начала.

*Укко, тот творец верховный,
Старец Укко, бог небесный,
Отделил от неба воду,
Разделил он воду с сушей;
Не рождалось лишь железо,
Не рождалось, не всходило.
Укко, этот бог верховный,
Протянул однажды руки
И потер их друг о дружку
На своем колене левом:
Появились три девицы,
Эти дочери творенья,
Эти матери железа ...
(руна 9, 38–49)*

К сожалению, даже весьма авторитетные современные исследователи не избежали «очарования» громовника и по инерции проецируют на него сведения, которые к Перуну отношения не имеют. Так, опять же В. Я. Петрухин пишет: «Восприятие культа Перуна, как дружинного культа божества, которое почиталось верховным у славян уже в VI в. (по свидетельству Прокопия Кесарийского), упорядочивало позиции княжеской дружины...» (Петрухин, 1995, с. 141). Но ведь это своего рода подтасовка – ведь Прокопий, как мы прекрасно знаем, вовсе не называет имени верховного бога «склавинов и антов». Он свидетельствует

лишь, что славяне знают и бога – владыку всего и что он создатель, творец молнии. Таковым могли быть и Сварог, и древний родитель ветров Стрибог.

Еще один фаллический идол из числа славянских древностей (изображение Рода?)

По древности почитания со Стрибогом может соперничать разве только Велес, тоже традиционно старый Бог, упоминаемый еще в договорах с греками Олега и Святослава. В договоре Игоря его имя тоже могло быть заменено на «Бог». В противном случае следовало бы предположить, что при Игоре произошла некая неизвестная нам религиозная реформа, принизившая роль «скотьего» бога.

Связь Рода с рождением и смертью – вне зависимости от его истинного положения в пантеоне – не вызывает сомнения хотя бы в силу имени. Рудра также почитался как даритель жизни и смерти. У него просили никого не убивать, а также помощи и лекарств в случае болезни. Следовательно, Рудра тоже был хозяином жизни и смерти.

О Стрибоге же достоверно можно говорить, что он каким-то образом связан с ветрами, но ветер – воплощение жизненной силы, дыхания (Славянские древности..., т. 1; Ермаков, 1997; Ермаков, 2005), в славянском мировоззрении связан с жизнью и смертью.

С воздухом, духом, ветром славяне соотносили саму жизнь. В апокрифах говорится, что Бог вдыхает в человека душу. Воздух описывали как дыхание, дуновение, ветер. Дуновение же и дыхание связано с зарождением жизни, животворящим духом: «Душа, представляемая как дыхание, отождествлялась с воздухом, паром, ветром, вихрем» (Славянские древности..., т. I). Кстати: «В разговорной речи Древней Руси *родъ* – рождение, порождение» (Колесов, 2000, с. 24).

Рудра. Современное викканское изображение

Итак, однозначно доказать, что славяне отождествляли Рода и Творца невозможно – вне зависимости от нашего на то желания. Более или менее справедливо суждение, что Род «ответствен» за воспроизводство племени и народа и что это имя может являться «прозванием», эпитетом одной из ипостасей Творца. С учетом связи с Рожаницами его можно считать повелителем или подателем судеб – не в смысле греческого *fatum*’а, но в смысле славянских представлений о доле–недоле, уделе, удаче и т. п.

Нельзя исключить, что древнейшее имя создателя у славян все-таки **Стрибог** (властелин Неба – прародитель ветров, воспоминание о временах индоевропейского единства).

Вопросы и сомнения

– Изменится ли что-то (и что именно) в оценке главного бога-творца славянского языческого пантеона с учетом более выверенного на основании новейших исследований перевода слов Прокопия Кесарийского, согласно которому славяне «считают, что один из богов – создатель молнии – именно он есть единый владыка всего?» (Свод... , 1991, с. 183; Карпов, 2008, с. 44)?

Шкловский идол, X в. Окрестности г. Шклова, Могилевская обл., республика Беларусь. Белорусский исторический музей (Минск) (фото В. В. Розова)

– Почему в большинстве текстов средневековых поучений против язычества Род не упоминается отдельно от Рожаниц?

– Почему имя Род (при том, что имя его включает праславянский корень *ord/ard) известно только у восточных славян, а в западноевропейских источниках в явном виде отсутствует?

– Возможно ли проследить географию источников, в которых упомянут Род, и какие из этого последуют выводы, если принять во внимание разницу в верованиях и даже в происхождении славянских племен Новгородского севера и Киевского юга?

– В Роде обычно видят сугубо патриархальное божество. Однако в русских поучениях против язычества в контексте греческой мифологии (неплохо известной средневековым русским книжникам), Род сопоставляем с Аполлоном («Атремидом», «Артемидом»). У Аполлона, в свою очередь, есть мать и сестра (Лето/Латона и Артемида).

Если следовать методу аналогий, то уже одно это наблюдение исключает возможность признания его Верховным божеством, не так ли? Однако древние эллины называли Аполлона главным богом гипербореев, а Гиперборея примерно совпадает с областью расселения праславян.

Белобог и Чернобог. Свентовит и – ...?

Высшим богом западных славян (в ряде источников именуемых также «рутены» или «вандалы», а ранее – «венеды»⁶), в первую очередь, ругов-руян, «первенствующих среди прочих народов славянских», и сорбов был Свентовит. Характерно, что его уважали и почитали также германские народы Северной Европы. Англо-норманнский хронист Ордерик Виталий в 1068 году пишет о славянах: «Лютичи не знали истинного Бога, но, опутанные сетями невежества, поклонялись Гводену, Туру и Фрее и другим ложным богам или скорее бесам» (Гильфердинг, с. 155, прим. 643). Возможно, речь здесь идет о Свентовите, Прове (Проно)⁷ и Прие (или Живе?), переименованных на германский лад. Отождествление Одина и Свентовита Ордерик сделал, по скольку второго из упомянутых представляли «богом богов» западных славян и, подобно Одину, считали покровителем воинских искусств. Прове, как и Тюр, – бог справедливости. Прия – славянская Венера – согласно «*Mater Verborum*» могла именоваться у германцев Фрея, так как последняя – «госпожа ванов, богиня венедов»⁸.

Мыс Аркона на о. Рюген (бывш. Руян), на котором находилось святилище Свентовита (фото Д. Ждановой, 2007)

Знаменитый храм Свентовита стоял на острове Рюген в святилище Аркона и был разрушен данами лишь в 1168 г., то есть много позже поры, когда в государствах Европы возобладавало преимущественно христианство. Храм был одной из последних святынь европей-

⁶ Связь всех трех этнонимов со славянами или их близкими родственниками нередко оспаривается, однако авторы разделяют точку зрения на этот вопрос д. и. н. А. Г. Кузьмина.

⁷ Уже современный автор (немецкий и не слишком симпатизирующий славянам), описывая культ Тюра у германцев, ссылается на Гельмольда: «Бога Тюра называли в районе Ольденбурга “*Prove*”, что значит “проба, испытание”» (фон Немени, 2005, с. 142).

⁸ Фрея (Фрейя) (др.-исл. госпожа) – в скандинавской мифологии богиня любви и плодородия из рода ванов, дочь Ньерда. Часто изображалась едущей на колеснице, в которую запряжены две кошки. Фрейе достается половина убитых на поле брани воинов, в то время как другую половину получает Один. Ее муж – бог Од, когда он уезжает странствовать, Фрейя оплакивает его золотыми слезами и отправляется на его поиски. Многие черты сближают Фрейю с Фригг, женой Одина.

ского язычества, и пока он стоял, языческая вера у значительной части балтийских славян преобладала.

Еще в середине XVI в. помнили, на каком языке говорила эта самая *русь* – ругии-ране с острова Руян-Рюген. Герард (Георг) Меркатор в «Космографии» пишет: «На острове Русция том живали люди идолопоклонники, раны или рутены имянуемые, люты, жестоки к бою, против христиан воевали жестоко, за идолов своих стояли. Те рутены от жестокосердия великого едва познали после всех христианскую веру. Того острова владетели таковы вельможны, сильны, храбрые воины бывали, не токмо против недругов своих отстаивались крепко, но и около острова многие грады под свою державу подвели... и воевали с датским королем и со иными поморскими князьями и с Любскою областью воевали много, и всем окрестным государствам грозны и противны были. Язык у них был словенской да вандальской. Грамотного учения не искали, но и заповедь между собой учинили, чтобы грамоте, не токмо воинским делам прилежные охотники были...» (цит. по: Забелин, 1908).

Предположительный облик идола Свентовита. Рисунок из музея на о. Рюген

Именно Рюген может с большим успехом претендовать на роль мифического острова Буяна, на котором лежит камень Алатырь русских заговоров (см., напр., Гаврилов, 2008, с. 123–140).

Что знаем мы о создателях храма Свентовита от современников?

«Ране, у других называемые руанами – это жестокие племена, обитающие в сердце моря и сверх меры преданные идолопоклонничеству. Они первенствуют среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитое святилище. Поэтому, благодаря особому почитанию этого святилища, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая иго, сами ничьего ига не испытывают, будучи недоступны, ибо в места их трудно добраться... Племена, которые они оружием себе подчиняют, они заставляют платить дань своему святилищу, жреца у них почитают больше, чем короля. Войско они направляют, куда покажет

гадание, а, одержав победу, золото и серебро относят в сокровищницу своего бога, остальное же делят между собой» (Гельмольд, 1963).

«Один из (этих) островов зовется Фембре. Он лежит против области вагров, так что его можно видеть из Альдинбурга [Старгорода]... Другой остров [Руян] расположен напротив вильцев [Волин, лютичи]. Им владеют ране, храбрейшее славянское племя. Без их решения не положено ничего предпринимать в общественных делах: так их боятся из-за их близких отношений с богами или скорее демонами, которым они поклоняются с большим почтением, чем прочие» («Деяния священников Гамбургской церкви», цит. по: Адам Бременский, 1959).

«Святовид был наивысший бог вандалов с четырьмя головами или лицами» (Кранций и Арнкиель, средневековые историки цит. по: Татищев, 1995, т. IV, ч. 2).

Френцель называет его «*De Svantevito, Deo Soraborum Slavorumque supremo*» («Свентовит, наивысший бог сорбов-славян») (Frentzel, 1719).

Свентовит – «*Ares, bellum*» («*Mavors: Mavortem poete dicunt martem*») сопоставлен с богом войны Аресом (Чешскія глоссы..., 1878).

«Город Аркона лежит на вершине высокой скалы; с севера, востока и юга огражден природною защитой... с западной стороны защищает его высокая насыпь в 50 локтей... Посреди города лежит открытая площадь, на которой возвышается деревянный храм, прекрасной работы, но почтенный не столько по великолепию зодчества, сколько по величию бога, которому здесь воздвигнут кумир. Вся внешняя сторона здания блистала искусно сделанными барельефами различных фигур, но безобразно и грубо раскрашенными. Только один вход был во внутренность храма, окруженного двойной оградой... В самом храме стоял большой, превосходящий рост человеческий, кумир, с четырьмя головами, на стольких же шеях, из которых две выходили из груди и две – к хребту, но так, что из обеих передних и обеих задних голов одна смотрела направо, а другая – налево. Волосы и борода были подстрижены коротко, и в этом, казалось, художник сообразовывался с обыкновением руян. В правой руке кумир держал рог из различных металлов, который каждый год обыкновенно наполнялся вином из рук жреца для гадания о плодородии следующего года; левая рука уподоблялась луку. Верхняя одежда спускалась до берцов, которые составлены были из различных сортов деревьев и так искусно были соединены с коленами, что только при внимательном рассматривании можно было различить фуги. Ноги стояли наравне с землей, и фундамент сделан был под полом. В небольшом отдалении видны были узда и седло кумира с другими принадлежностями. Рассматривающего более всего поражал меч огромной величины, ножны, черен которого, помимо красивых резных форм отличались серебряной отделкой... Кроме того, этот бог имел также храмы во многих других местах, управляемые жрецами меньшей важности. Кроме того, при нем был конь, совершенно белый, у которого выдернуть волос из гривы или хвоста почиталось нечестием... Святовита символизировали разные знаки, в частности, резные орлы и знамена, главное из которых называлось Станица... Власть этого небольшого куска полотна была сильнее власти княжеской» (Grammaticus, 1931).

Саксон Грамматик. Рисунок современного художника

Итак, кумир бога Света (Белого Света, Светлого бога?) – четырехлик (возможно, две головы женские). Символами Свентовита являются меч, рог и, не исключено, лук, изображенный на ряде средневековых гравюр. Требы Свентовиту (и/или Белобогу) приносили в виде высокого пирога, который резали на четыре части и, быть может, разносили затем на все четыре стороны в направлении взоров Свентовита. Кумир Белобога был облеплен мухами, слетавшимися на запах жертвенного вина. Из-за этого его отождествляли с Вельзевулом («Повелителем мух»). На деле речь идет только о том, что требы совершались возлиянием непосредственно в уста кумира (или, возможно, мазали жертвенным медом). Одним из главных праздников Свентовита-Белобога можно считать день осеннего равноденствия, когда урожай собран и пора озаботиться новым урожаем – уже следующего года.

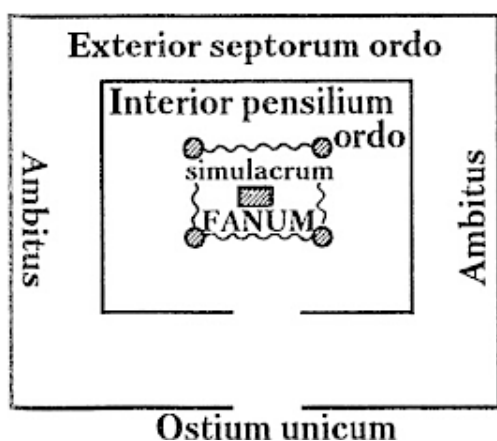
Как мы увидим, Свентовит и Белобог есть разные имена одной и той же Силы, а потому вполне уместно именно в этом разделе рассмотреть вопрос «дуализма» основной пары противоположностей славянских пантеонов.

* * *

Петр Альбин в «Мейссенской хронике» под 1590 г. (хотя иногда ее неправильно называют «Миснейская летопись») указывает: «Славяне для того почитали Чернобога как злое божество, что они воображали, будто всякое зло находится в его власти, и потому просили его о помиловании, они примиряли его, дабы в сей или загробной жизни не причинил он им вреда». Возможно, в этом мы склонны усматривать свидетельство наличия у Чернобога неких посмертных судебных функций.

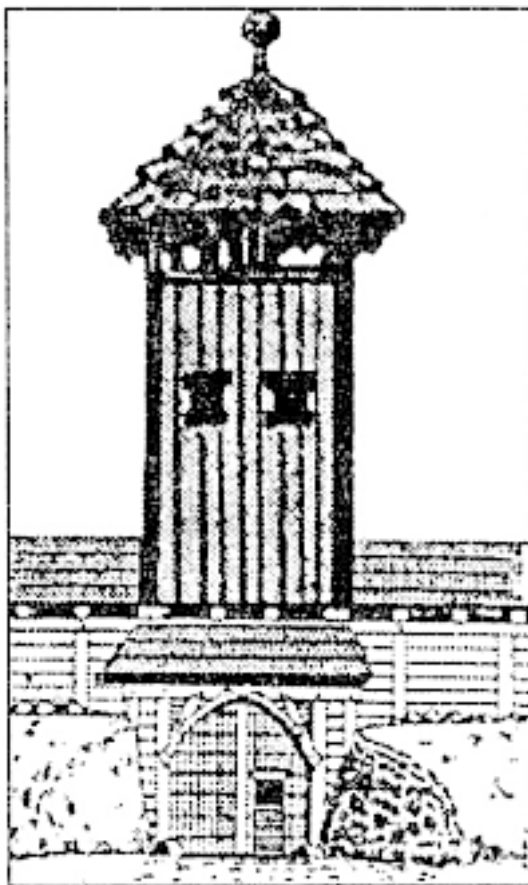

Мыс Аркона на старинной немецкой карте Рюгена

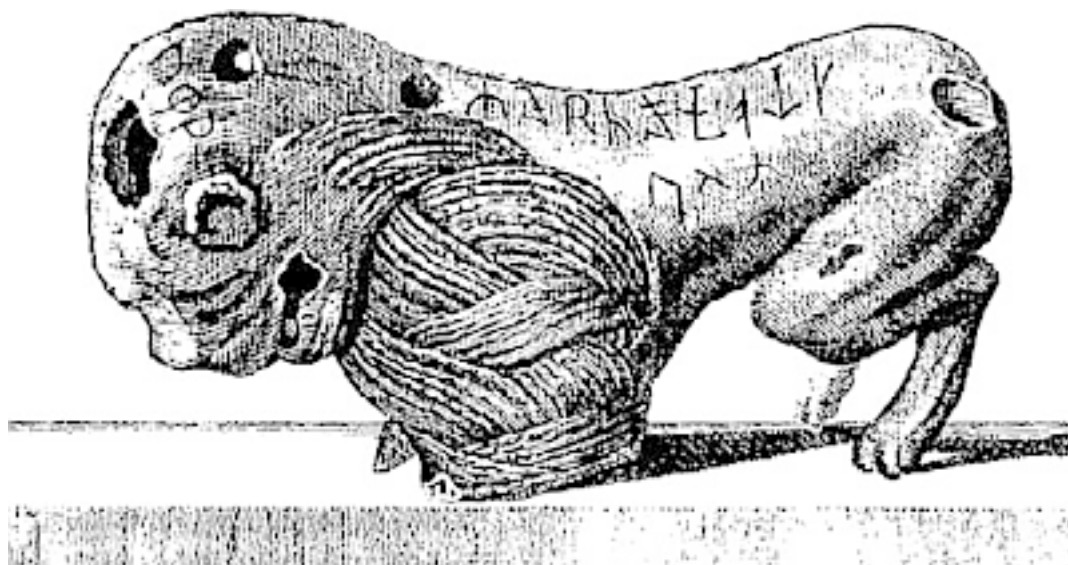

Реконструкция святилища Свентовита в Арконе (по Л. Нидерле)

«Есть у славян удивительное заблуждение. А именно: во время пиров и возлияний они пускают вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов, а именно, доброго бога и злого, считая, что все преуспевания добрым, а все несчастья злым богом направляются. Поэтому злого бога они на своем языке называют дьяволом, или Чернобогом, то есть черным богом» (Гельмольд, 1963). Понятно, что бывшее «злом» в понимании доброго христианина, не обязательно являлось таковым в глазах язычника (и не только славянина). В трактате «*De originibus linguae Sorabicae*» при описании сербо-лужицкого пантеона Абрахам Френцель называет *Czernebog* а последним в числе богов как антагониста Свентовита, занимающего первое место в пантеоне (1696) (Михайлов, 1998, с. 392–399). Имя «доброго» Белого бога присутствует в «*Mater Verborum*» – «*Belboh*: Бельбогъ – *beel, baal*». Интересны в этом смысле и некоторые построения Д. Шеппинга (Шеппинг, 1997), хотя их и считают устаревшими и не вполне научными.

Еще один вариант реконструкции врат Арконы (по Л. Нидерле)

Чернобог из книги А. Г. Маша «Сокровища Ретры» (возможно, хотя сомнительно, что это – прорисовка подлинной культовой фигурки)

Среди традиционных религий индоевропейцев только зороастризм ставит в космогоническом аспекте знак равенства между темным началом и злом. Вот почему даже когда мы узнаем от Гельмольда о «злом Чернобоге» и «добром Белобоге», мы вполне можем понять, что его христианское толкование противопоставления Белого и Черного богов может не

иметь ничего общего с идеей добра и зла. Речь идет о разных проявлениях бинарных противоположностей, разных качествах и, в общем-то, понятиях.

Христианство же воспринимает идеи гностиков. Гностицизм был своеобразным ответом средиземноморского язычества на знакомство с малоазийскими мистическим учениями и на общественные проблемы рубежа эр. Основная идея всех гностических течений – непримиримая борьба материального и духовного, злого и доброго начал во Вселенной: «Гностическое раздвоение выступает с полной резкостью именно в космогонии: мир признается прямо злонамеренным созданием противобожественных сил» (Вл. Соловьев). Действительно, по мнению гностиков, тварный мир создает недобрый бог, слившийся позднее с нечистым христиан. Дуалистические легенды о сотворении мира Светлым и Темным демиургами существуют практически у всех соседей древних славян. Следы влияния гностиков и их последователей богомилов прослеживаются и в восточнославянской традиции (Громов, 2002), однако это не значит, что первоначальный дуализм всенепременно нужно сравнивать с христианскими или гностическими представлениями и выводить все из последних (хотя подобное иногда случается) (Васильченко, 2005). Совместное творение (пусть даже в порядке соревнования) и непримиримое противостояние двух противоположных сил – очень разные вещи.

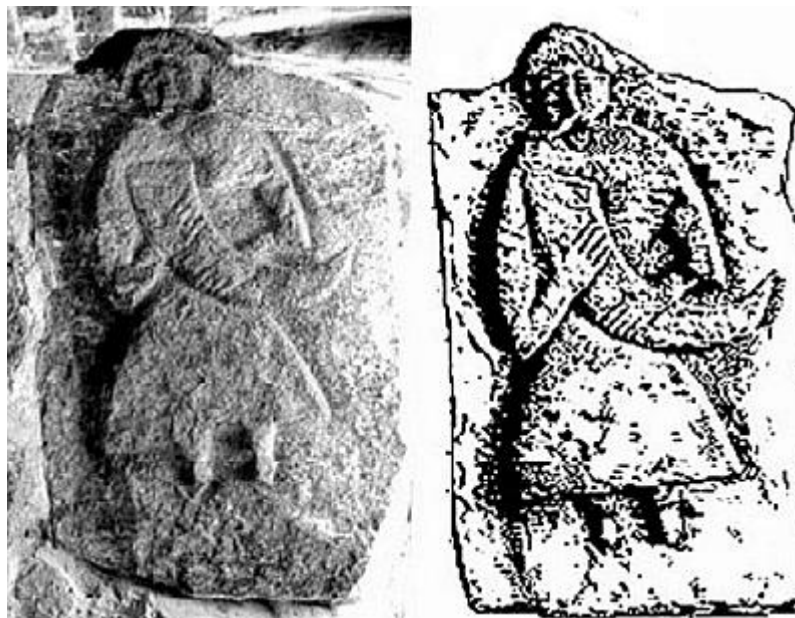

Идол четырехликого божества (Свентовита), найденного в Волине (совр. копия из Польши)

«Отсюда злого бога Дьяволом и Чернобогом, то есть черным богом, доброго же Белбогом, то есть белым богом называли. Фигуру этого идола, высеченную в камне, можно поныне видеть на Руяне, на полуострове Виттов, в народе именуемую как Виттольд, как бы “Древний Вит”. С большой головой, густой бородой он скорее выглядит чудовищем, чем вымышленным богом» (История Каменской епархии, XVII в.).

Веком ранее: «Изображение идола Руяны, высеченное на камне, можно видеть в селе Альтенкирхен, в притворе храма. Более похожего на чудовищного злого демона, чем на какого либо бога; прежние жители острова называли его Святовитом, нынешние же Витоль-

дом...» (Давид Хитреус, «Саксонская хроника», XVI в.). Сопоставляя Черного и Белого богов, упомянутый ранее Петр Альбин привел и иное имя бога света: «XI. Чернобог был черный бог; подобно как Ютробог – бог зари». Явно руяне почитали и такого бога, который, судя по имени, олицетворял утреннюю зарю.

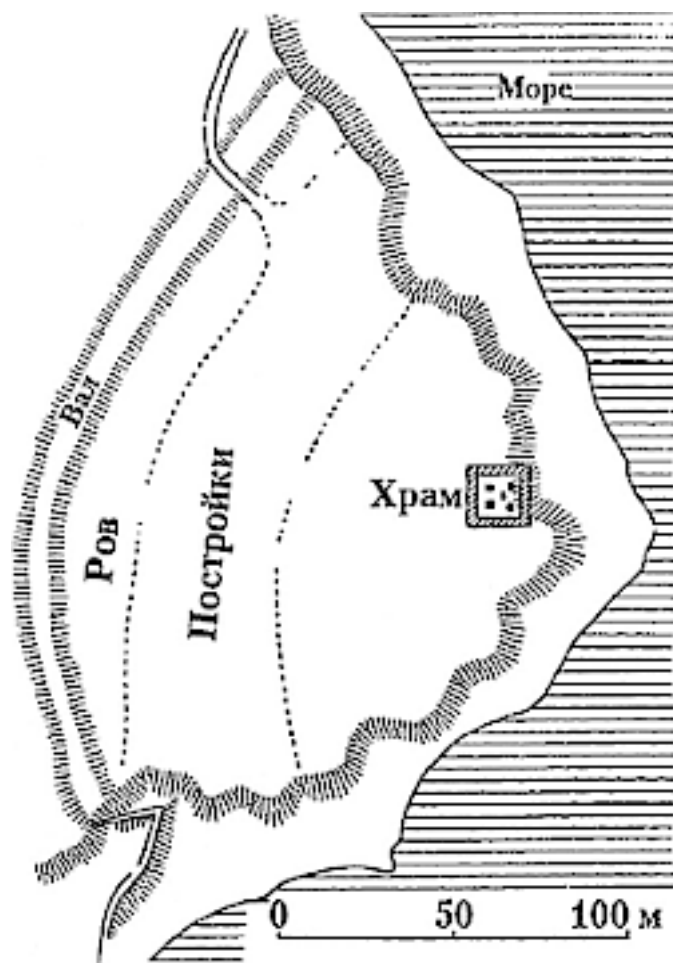

«Фигура с рогом». Славянское изображение на камне, ныне встроенном в стену одной из церквей в Альтенкирхене. Иногда отождествляется со Свентовитом, что спорно (бога все же изображали четырехликим)

На тождество Свентовита и Белобога первым в отечественной науке обратил внимание А. Гильфердинг (Гильфердинг, 1885; История балтийских славян, 1994, с. 177–179).

«У славян имеется много разных видов идолопоклонства. Ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами, как, например, идол в Плуне, имя которому Подага; у других божества населяют леса и рощи, как Прове, бог альденбургской земли, – они не имеют никаких идолов. Многих богов они вырезают с двумя, тремя и больше головами. Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого бога, господствующего над другими в небесах, признают, что он, всемогущий, заботится лишь о делах небесных, они [другие боги], повинувшись ему, выполняют возложенные на них обязанности, и что они **от крови его происходят** [выделено нами. – Авт.] и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому богу богов» (Гельмольд, 1963).

Под «богом богов» автор подразумевает Свентовита, который с его точки зрения есть едва ли не главный противник бога христианского: «Среди множества славянских божеств главным является Святovit, бог земли райской, так как он – самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека – христианина, какого укажет жребий. Из всех славянских земель присылаются установленные пожертвования на жертвоприношения Святovиту...

Аркона и местоположение храма Свентовита по данным раскопок К. Шукхардта

<...> Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому и в наше время не только вагрская земля, но и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов... И велел король [Вальдемар] вытащить этот древний идол Свентовита, который почитается всем народом славянским, и приказал накинуть ему на шею веревку и тащить его посреди войска на глазах славян и, разломав на куски, бросить в огонь. И разрушил король святилище его со всеми предметами почитания и разграбил его богатую казну. И повелел, чтобы они отступили от заблуждений своих, в которых рождены были, и приобщились к почитанию истинного бога...» (Там же).

Збручский идол как изображение Свентовита (рисунок XIX в.)

Рассматривая изображения Збручского столпа, имеющего трехчастное вертикальное деление и фаллический облик, Б. А. Рыбаков сопоставляет Свентовита и Рода. Этот столп, выкрашенный некогда в красный (рудый, кровавой) цвет – цвет жизни и Верхнего мира, по мнению ученого, есть олицетворение Рода (Рыбаков, 1987).

Кровь считалась признаком рода и родства (ср. выражения «братство по крови», «кровные узы», «кровная родня», «кровосмесительный брак» и т. д.). В пурпур облачались жрецы Свентовита, а его кумир в Арконе скрывался за пурпурным занавесом. Отметим, что «отцов богов» римского Юпитера и этрусского Тина также окрашивали в храмах в красный цвет. Одежду такого цвета могли носить лишь люди, находившиеся на наивысших ступенях общественной лестницы (Василевич, 2006).

Однако Свентовита как Белобога скорее можно сопоставить лишь с верхним четырехликим (как в описании очевидца разграбления Арконы Саксона Грамматика в «*Gesta Danorum*») изображением на столпе. Если Збручский столп символизирует Единого Бога, изображение соединяет образы четырехликого Белобога-Свентовита в Срединном явном (явленном) мире и трехликого Чернобога (Велеса?) в Нижнем навьем (неявленном) мире. Нижний ярус столпа находился под землей и был невидим (возможно, непосвященные о нем и не знали).

С точки зрения Б. А. Рыбакова, на нижнем ярусе столпа изображен именно Велес. В таком случае Збручский столп воплощает единение в общем роду эвгемерических богов славян, то есть их легендарных вождей-прародителей из Вышнего Мира; их потомков, умерших и ушедших к Чернобогу в Нижний Мир славян-пращуров; наконец, их «внуков»-наследников, живущих на Белом Свете в Срединном Мире пред оком Свентовита.

Крестильная купель с изображением четырехликого Свентовита в приходской церкви в Альтенкирхене (Германия, о. Рюген). Высказывалось предположение, что купель сохранилась еще с языческих времен, но это маловероятно. Скорее всего, такой вид был придан ей для привлечения вчерашних язычников в лоно церкви

«Слово святого Георгия изобретено в толцех о том, како първое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали; то и ныне творят» свидетельствует: «... Проклятого же Осирида рождение. Мати бо его ражаючи оканьши и того створиша богом и требы ему силны творяху, окньнии... И от тех избыкоша древне халдеи и начаша требы им творити великия – роду и рожаницам пороженью проклятого бога Осира... Извыкоша Елени класти требы Атремиду и Артемиде, рекше роду и рожанице... [рассказ о том, как культ перешел к египтянам и римлянам, опущен. – Авт.]. Тако и до словен доиде се же слова, и ти начали трапезу ставити Роду и рожаницам переже Перуна бога их. А преже того клали требы упиремь и берегыням. По святом крещении Перуна отринуша, а по Христа Господа Бога нашего яшася, нь и ныня по украинам их молятся проклятому богу их Перуну, Хърсу и Мокоши и вилам, нь то творять акы отдай... » (Паисіев сборн., XIV в.)⁹.

Приведенные слова – повод затронуть еще раз проблему бога Рода.

⁹ «Атремид» – описка переписчика, правильно «Артемид».

Гадание на будущий год в день осеннего равноденствия. Подмосковье, 2007 г.

Род явственно сопоставлен со светодавцем Аполлоном («Атремидом»), а Рожаница — с нерожавшей Артемидой (см. раздел «Рожаницы»). Светоносного Аполлона и тогда, и впоследствии христианские книжники вполне могли отождествлять с Люцифером (Светоносным, в трудах отцов церкви «Сыном зари»), то есть основным противником библейского бога. Возможно, отсюда и упоминание Рода. Однако обращает на себя то известное обстоятельство, что культ Аполлона еще в античности связывали с Гипербореей — землями севернее Фракии и Скифии. Это согласуется с областью почитания «бога богов» славян, подобно Аполлону, властителя света и предсказателя. То, что Аполлона сравнивали еще с каким-то божеством, помимо Рода (если считать Рода и Свентовита одним и тем же богом), свидетельствует текст «Поучения духовным детям»: «Уклоняйся перед Богом невидимых: людей, молящихся Роду и рожаницам, Перуну, и Аполлону, и Мокоши, и Перегине, и ко всяким богам мерзким требам не приближайся...» (Азбукин, 1896).

По мнению ряда польских авторов, на реплике средневекового славянского медальона – знак бога Свентовита

... По свидетельству Диогена Лаэртского (II в. н. э.), греческих и персидских богов сопоставляли разные авторы поры расцвета античной культуры: «Аристотель в первой книге “О философии” считает, что маги древнее, чем египтяне, что они признают два первоначала – доброго демона и злого демона и что первого зовут Зевс и Оромазд, а второго – Аид и Ариман, с этим согласны также Гермипп (“О магах”), Евдокс (“Объезд Земли”) и Феомп (“Истории Филиппа”))» (О жизни, учениях и изречениях..., I, 8).

Иными словами, древние греки называли Аидом ту же сущность, что зороастрийские маги именовали Ариманом (Ангхро Майнью). Правда, едва ли древний эллин воспринимал властителя царства мертвых как злое начало, но что-то же позволило носителям Традиции провести такое сопоставление: «Аид несмирим, Аид непреклонен; но зато из богов ненавистнее всех он и людям» (Илиада, XI, 155)! Что характерно, до нас почти не дошли гимны, посвященные Аиду, хотя в честь других олимпийских богов их достаточно.

Возможно, гимнов было немного, но для нас главное, что «благое они (эллины) приписывают Зевсу Олимпийцу, дурное – Гадесу (т. е. Аиду)...» (Плутарх). Аид – «повелитель ушедших от жизни», никому нет возвращения из его владений (Гесиод, Теогония, 850, 869–775). У орфиков Аид – «не данный в ощущениях, невидимый, незримый» (Орфей. Языческие таинства, 2001, с. 272); («Шлем Аида-владыки сумрак ночной сохраняет» (Гесиод, «Щит Геракла», 227), «Афина шлемом Аида покрылась, да будет незрима Арею» (Илиада, 5. 844). Одно из имен Аида – Плутон. По свидетельству современников, это – эпитет, связанный с богатством: «Имя же Плутона пошло от богатства, так как богатство приходит из-под земли» (Платон, «Кратил», 403a). Согласно орфическому гимну «Плутону», он – «хтонический Зевс», то есть неявленная третья ипостась Зевса¹⁰:

*Дух, обитающий в доме подземном,
таинственный мрачный
луг Тартарийский,
покрытый густой, непроглядною тенью,
скипетродержец, хтонический Зевс,
о, прими благосклонно*

¹⁰ Третью ипостась здесь можно рассматривать, кстати, и как проявление общего для индоевропейцев принципа тричности (см. статью «Триглав» в: Гаврилов, Ермаков, 2008 и главу «Триглав» далее).

*жертвы священные, благочестивые почести наши.
Ключник пречистый, Плутон богатей,
подземелья властитель,
Что ежегодно с плодами достатка
является к смертным;
Ты – и обитель бессмертных богов,
и опора для смертных,
Трон утвердивший под мрачной страной,
уходящей в глубины.
Неугомонный, Аид бездыханный,
чьи действия слепы.
(Орфей. Языческие таинства..., с. 178–179)*

*Был ты третейский судья громогласных и скрытых деяний.
(Там же).*

На старой почтовой открытке – голова Свентовита как деталь отделки городской ратуши в Познани (Польша)

В других вариантах перевода формулировки более точные: «Плутон, земными ключами всеми ты обладаешь»; «Отец единый дел непроявленных; проявлений – Судья святейший и вседержитель блестящеславный» (Книга Орфея, 2001, с. 52–53). Не случайно, видимо, Вергилий именует Плутона *immitis tyranni*, то есть безжалостным тираном, ведь в царстве Аида терпят наказание многие, преступившие законы богов (Вергилий, IV, 492).

Святылище Аркона находилось на северной оконечности о. Рюян (Рюген). Современная карта острова

Гравюра, изображающая рюген ского бога Свентовита (по Montfaucon Bernard de. *L'Antiquité expliquée et représentée en figures*. Paris, 1722)

Славяне «...Плутона прозывали Ныя (Nyа); его считали богом подземного мира, хранителем и стражем душ, покинувших тела, и просили у него после смерти провести в лучшие места преисподней, и поставили ему главное святилище в городе Гнезно, куда сходились из всех мест» (Длугош, I, I, 47–48; II, VII, 447).

Подчеркнем именно «загробный» характер судейства Плутона/Ныя, отличный от земного суда Прове. «Запрещаем также пляски и песни, в которых призываются имена идолов Лад, Леля, Йеша, Ныя, что обычно делают во время праздника Троицы» (Статут..., 1980, с. 39). Мацей Стрый ковский в «Хронике польской, литовской и всей Руси» (1582) пишет: «Плутона же, бога пекельного, которого звали Ныя, почитали вечером, просили у него по смерти лучшего усмирения непогоды».

Д. Громов убедительно показал, что персонаж Старый Старик из сказки «Бой на Калиновом Мосту» («Иван Быкович») или родственник ему Вий, былинный слепой отец Святогора, а также св. Касьян в народном православии – позднее переосмысление образа некоего черного бога, одного из властителей Навьего мира (Громов, 1999). Возможно, этот бог и есть Nyа Я. Длугоша.

Ранее уже выявлены основные черты архетипов белого («светлого») и черного («темного») богов (Белкин, 1997; Гаврилов, 2000; Гаврилов, 2001; Гаврилов 2002; Гаврилов, 2004), но, полагаем, здесь уместно перечислить их еще раз, внеся ряд уточнений.

Чур Свентовита (современная работа, Польша)

– Белый и Черный боги – прабоги, боги старшего поколения. Изначально они могут восприниматься ипостасями Единого бога или Великой Матери, нести и рождение, и смерть. Позднее они часто отходят на второй план, им на смену приходят поколения младших богов, которые отражают появление новых социальных отношений и зарождение классового общества.

– Белый и Черный боги – соперники. Первый обладает атрибутами белизны или Света, а второй – хтонический, «темный» персонаж. Помимо черноты под землей, ему подчинена чернота на земле и чернота на небе.

– Черный бог связан со смертью и миром мертвых, ему подчиняются менее значимые «темные» персонажи. Белый бог, напротив, противостоит смерти и миру мертвых.

– Черного бога символизируют животные (ворон, волк или пес, и змей, выезжающий из/из-за воды) как ипостаси Черного бога или проявления, подвластные ему. Белый бог зооморфически связан с благородными птицами, крупным скотом (бык или корова, тур, олень) и чаще всего противостоит змею.

– Иногда Белый бог обладает подчеркнуто светлым (зорким) взглядом, а Черный бог частично или полностью «слеп» в Свете Белом. Это символизирует их власть в явьем (явном) и навьем (не-явном) мирах. Предположительно можно думать, что Белый бог также ограничен во владениях Черного (правда, указания на это отсутствуют).

Каменная голова Свентовита, найденная в г. Свентборге (Дания)

– Белый и Черный боги связаны с зарождением новой жизни и судьбами людей.

– Блага в мире от Белого бога: Белый бог – просветитель, он добывает и дарит людям и иным Богам знания; Белый бог активно преобразует мир. «Вред» в мире от Чернобога: он препятствует изменению мира Белым богом или выступает как подстрекатель своего светлого противника.

– Иногда Белый бог ассоциируется с молодостью, а Черный бог – со старостью. Тогда их встреча – это испытание Белого Черным, а Света – Тьмой. В соперничестве с Черным богом Белый бог обретает целостность и избавляется от собственной ущербности, обретая Силу.

– Белый бог участвует в творении Вселенной либо препятствует ее порче. Чернобог не в меньшей степени задействован при создании Вселенной либо портит только что созданный Мир, внося в него изменения, которые впоследствии послужат к поступательному развитию сотворяемого Мира.

– При взаимодействии Белого и Черного богов появляются Время–Пространство и движение. Безоговорочное господство любого из них влечет за собою смерть и застой. Поэтому столкновение, спор между ними необходимы как условия развития сущего и поэтому, в конечном счете, ни один из них не может победить окончательно¹¹.

Идея противостояния и неразрывности противоположностей, в том числе Чернобога и Белобога пронизывает все традиционное мировоззрение. Она находит отражение в противопоставлении основных (архетипических) образов: Тьма – Свет, черное – белое, левое – правое, женское – мужское, низ – верх, плохое – хорошее и т. д.

Однако с точки зрения язычника мир все же един.

Пусть Свет и Тьма различны, в особенности на физиологическом уровне, *они оставляют единое целое*. Идея в первую очередь «единства», а потом уже «борьбы» противоположностей присутствует в мировоззрении всех индоевропейских народов вплоть до поры проникновения в него мировых религий, отрицающих единство Света и Тьмы.

Образы «темных» богов можно разделить на два основных типа:

Первый – образ разрушителя или Трикстера, приводящего старый мир и отношения в нем к краху.

Второй – образ культурного героя, Бога магии, повелителя Дикой Природы и охоты, властителя или стража Иного мира или проводника туда. Зачастую они смыкаются, но в любом случае тесно переплетены. Роль культурного героя чаще выполняет Белый Бог, собственно Творец. В таком случае, в дуалистическом мифе о творении соревнующийся с ним второй демиург выступает как трикстер...

¹¹ И это, кстати, указывает на самостоятельный характер славянского дуализма, резко отличая его от дуализма гностиков.

Вопросы и сомнения

– Каково соотношение Свентовита, «бога богов» – с Творцом? Если продолжать проводить древнеиранские параллели: как у Спента Майню с Ахура Маздой (или даже Зерваном)? Или он в понимании славян-«гиперборейцев» и есть Белый Творец? При поиске ответа на вопрос есть смысл обратить внимание на такое обстоятельство: «Верование в то, что “Световіт – бог Слонца і самы глауны”, отмечено в этнографических записях по Белоруссии еще в 80-х годах прошлого [XIX. – *Авт.*] века» (Беларуская міфалогія, 2006, с. 455-456).

– Не является ли все-таки противопоставление Белобога и Чернобога как «доброе» и «злое» не христианским? Вдруг налицо некое, допустим, древнеиранское (Ахура Мазда и Анг хро Майнью) или подобное ему гностическое влияние? И если это так, то как соотносится Митра с Радегастом Сварожичем?

– Во Львовской области известен заповедник «Вознесение» (в народе «Кайзервальд»). Среди прочих объектов имеется два, интересующих нас в рамках данной работы. Первое – капище на горе Баба, и Святовидово Поле (топоним местный). Какова же на деле география почитания Свентовита? Насколько широко славяне знали его именно под этим именем?

Радегаст Сварожич

«Готтофред в хронике 402 года по Христе от древних писателей сказует, что вандалы с королем их Радогостом в двести тысяч числом в Италию нападение учинили... И сии имена королей довольно свидетельствуют славян, ибо имя Радегаст самое славянское и славяне идола Радегаста почитали. К тому же имя Радегаста видно от владетеля вандалов дано...» – записал В. Н. Татищев в 1748 г., составляя «Историю Российскую» (Татищев, 1995, гл. 39).

Примерно в те же годы М. В. Ломоносов указывал: «Радегаст держал на груди щит с изображенною воловою головою, в левой руке копье, на шлеме петух с распростертыми крыльями» (Ломоносов, 1952, т. 6, гл. 4).

Именно так выглядит Радегаст на... части опубликованных *после* указанной работы М. В. Ломоносова (1766) изображений. Речь идет о признаваемых большинством ученых поддельными ритуальными фигурками из храма в Ретре (год публикации 1771). Напрашивается вывод: либо Михайло Васильевич видел самих кумиров, либо пользовался *независимым* от составителя – Андреаса Готлиба Маша источником (*Masch*, 1771; русское издание Маш, 2006).

А вот как говорили о Радегасте и его храме очевидцы и современники.

«Славяния в десять раз больше нашей Саксонии, если причислить к ней чехов и живущих по ту сторону Одры поляков, которые не отличаются от жителей Славянии ни своей внешностью, ни языком... Славянских народов существует много. Среди них наиболее западные вагры, живущие на границе с трансальбингами. Их город, лежащий у моря Алдинбург (Старград). Затем следуют ободриты, которых теперь называют ререгами, а их город Магнополис (Велеград). К востоку от нас (от Гамбурга) живут полабинги (полабы), город которых называется Рацисбургом (Ратибор). За ними лингоны (глиняне) и варабы. Далее следуют хижане и черезпеняне, которые отделяются от долечан и ратарей рекой Пенной и городом Дымино. Там предел Гамбургской епархии. Хижане и черезпеняне живут к северу от реки Пены, доленчане и ратары – к югу. Эти четыре народа по причине храбрости называются вильцами, или лютичами. Есть еще и другие славянские племена, которые живут между Лабой и Одрой... из всех них самыми могущественными являются ратары, живущие в центре... Их город – всемирно известная Ретра – седалище идолослужения, там построен огромный храм в честь демонов, главный из которых Радигост. Изображение его сделано из золота [надо полагать, выражение связи с Солнцем? – *Авт.*], ложе из пурпура. Самый город имеет девять ворот и окружен со всех сторон глубоким озером, через которое для перехода построен бревенчатый мост, но через него разрешается переходить только идущим ради жертвоприношения или вопрошения оракула... Говорят, что от Гамбурга до храма четыре дня пути» (Адам Бременский, «Деяния священников Гамбургской церкви», ок. 1066)¹².

¹² Обратим особое внимание, что имя «демона» – Радигост, а города – Ретра.

Радегаст из прильвицкой коллекции (по А. Г. Машу)

Ретра и ее окрестности (по А. Г. Мау)

«П ... за день до нашего прихода к реке Одер, к нам присоединились лютичи, следуя за своими идущими впереди богами. 23. Хотя я с большим содроганием могу говорить о них, все же, чтобы ты, любимый читатель, узнал про лживое их суеверие и еще более бесполезный культ этого народа, я коротко расскажу, кто они и откуда сюда пришли. 17. Есть в округе редариев некий город, под названием Ридегост, треугольный и имеющий трое ворот; со всех сторон его окружает большой лес, неприкосновенный и свято почитаемый местными жителями. Двое из этих ворот открыты для всех входящих; третьи же, обращенные на восток и самые маленькие, открывают дорогу к лежащему неподалеку морю, весьма страшному на вид. В городе нет ничего, кроме искусно сооруженного из дерева святилища, основанием которого служат рога различных животных. Снаружи, как это можно видеть, стены его украшают искусно вырезанные изображения различных богов и богинь. Внутри же стоят изготовленные вручную идола, каждый с вырезанным именем, обряженные в шлемы и латы, что придает им страшный вид. Главный из них зовется Сварожич; все язычники уважают и почитают его больше, чем остальных. Знамена их также никогда не выносятся оттуда, за исключением разве что военной необходимости; причем вынести их могут только пешие воины. 24. Для тщательной заботы о святилище местными жителями назначены особые служители. Когда они собираются там, чтобы принести жертву идолам или смягчить их гнев, те сидят, тогда как остальные стоят рядом; тайно перешептываясь друг с другом, они с трепетом копают землю и, бросив жребий, узнают истину в делах, вызывающих сомнение. Окончив это, они покрывают жребий зеленым дерном и, воткнув в землю крест-накрест два остроконечных копы, со смиренным послушанием проводят сквозь них коня, который считается наибольшим среди прочих и потому почитается как священный; несмотря на брошенный уже жребий, наблюдаемый ими ранее, через это, якобы божественное животное они вторично проводят гадание. И если в обоих случаях выпадает одинаковый знак, задуманное приводится в исполнение; если же нет, опечаленный народ отказывается от затей. Старин-

ное, опутанное различными суевериями, предание свидетельствует, что когда им угрожает страшная опасность длительного мятежа, из названного моря выходит огромный вепрь с белыми, блестящими от пены, клыками и, с радостью валяясь в грязи, являет себя многим...

Современная статуя Радегаста, выполненная по мотивам приль вицких статуэток (Польша)

...25. (18.) Сколько округов в тех краях, столько там и храмов, в каждом из которых почитается неверными идол того или иного демона. Причем вышеупомянутый город занимает среди них особое положение. Отправляясь на войну, они прощаются с ним, а с успехом вернувшись, чтят его положенными дарами; путем жребия и коня, как я уже говорил, они старательно выясняют, что служители должны принести в жертву богам. Особо сильный гнев их смягчается кровью животных и людей. Всеми ими, называемыми общим именем лютичей, не управляет какой-то один правитель. Решение необходимого дела обсуждается в общем собрании, после чего все должны дать согласие на приведение его в исполнение...» (ок. 1018) (Титмар Мерзебургский, 2005)¹³.

О Радегасте здесь сказано как о названии города, а имя бога – Сварожич. Скорее всего, это следствие непонимания автором хроники славянского словообразования. «Сварожич» в силу звучания имени – отчество, эпитет бога по отцу (т. е. Сварогу). Адам Бременский настаивает, что бога зовут Радигост, а город – Ретра: «...Варвары отрубили ему [епископу. – *Авт.*] руки и ноги, тело выбросили на дорогу, голову же отсекли и, воткнув на копье, принесли ее в жертву богу своему Радигосту в знак победы. Все это происходило в столице славян Ретре, в четвертые иды ноября» [10. XI.1066]¹⁴.

¹³ Необходимо вспомнить о знаменитом вепре Фрейра (бога света северных германцев). В Младшей Эдде говорится, что тот «может бежать по водам и воздуху, ночью и днем, быстрее любого коня, и ночью, и в самой Стране Тьмы будет ему светло: так светится у него щетина».

¹⁴ Цитата из свидетельства о гибели епископа Мекленбургского Иоанна, которого принесли в жертву богу Радигосту.

По данным фон Писториуса, впервые описание идола Радегаста появляется в 1492 г. в первом печатном издании Саксонской хроники Конрада Бото. На гравюре, помещенной под 1133 г., изображен бог Радегаст и сделана подпись: «В Мекленбурге ободриты почитали бога, именовавшегося Радигост, который имел на груди щит, на котором была изображена черная бычья голова, а еще имел в руке секиру, а на голове – птицу» (Ball, 1854).

Радегаста, видимо, почитали также и чехи. Он упомянут в «*Mater Verborum*» как потомок (внук) бога *Кръм`а* (Кродо) – «*Mercurius: Radihost vnuk Krtov (Kirtow)*». Значит, Радегаст и есть Сварожич, а Сварог тем самым – сын Кродо.

Современное изображение Радегаста (Польша)

Существенно, что и на землях вятичей, согласно летописи, «пришедших из ляхов», можно найти поселения, связанные с именем этого бога. Таковы Радогошь на реке Нерусса к северу от Севска и к западу от Крома. Предполагается, что Радигощ – прилагательное от имени Радегаст, образованное по такой же схеме, как прилагательное «вещий» от слова «весть».

Сложности с толкованием смысла имени и особенности почитания божества не могут не привести к появлению критических взглядов, с которыми можно не соглашаться, но которые следует принимать во внимание:

«В источниках Сварожич и Радогост никогда не отождествляются. <...> Первое известие здесь относится к началу XI века и принадлежит немецкому хронисту Титмару, который сообщает, что в земле славянского племени редарей есть город Радогощ, в котором поклоняются главному богу Сварожичу... <...> славяне не знали изначально славянских так называемых теофорных имен, т. е. личных имен, которые включали бы в себя теонимы, имена богов (в отличие, скажем, от древнегреческой и многих других традиций). Признавая существова-

ние бога по имени Радогост, следовало бы признать его уникальность по этому признаку (да еще с полным совпадением по форме с антропонимом!)... От славянских имен на *-gost* закономерно возникают притяжательные по первоначальному значению топонимы типа Радогощь, Будогощь, Волигощь (т.е. город Радогоста, Будогоста и т. д.). Такого рода топонимы как раз и отмечают средневековые источники на западнославянских территориях. Есть они и на Украине: Радогоща на Житомирщине и Радогоща на Черниговщине, Мала Радогоща и Велика Радогоща в Хмельницкой области. С этой точки зрения, признавая Радогоста в качестве божества, надо было бы указать на еще одну его уникальную характеристику: это единственное славянское божество, которому «принадлежал» большой славянский город, метрополия. Но как раз следов подобной теократии в язычестве славян не наблюдается: славянские города принадлежали князьям, людям, но божествам – никогда» (Зубов, 1995).

Обложка книги Р. Щезяка «Прильвицкие идолы», выпущенной в 2006 г. краеведческим музеем Нойебранденбурга, в котором в настоящее время хранятся фигурки (вопреки множаским слухам об их пропаже или уничтожении). Согласитесь, дело за малым...

Споры по этому поводу пока не окончены.

Естественно ожидать, что божество, чьим животным является петух, возвещающий своим криком приход Солнца, должно быть каким-либо образом связано с Солнцем. На солнечные мотивы указывает и конь (общеиндоевропейский символ Солнца). Обращает на себя особое внимание и упоминание Титмара про вепря. Ведийский бог Вишну, сын кузнеца-Тваштара¹⁵, также воплощался в вепря, который поднимал клыками мир из Первод. Надо полагать, и Сварожич-Радегаст – сын кузнеца Сварога, бог порождающих сил и света, являл

¹⁵ В Ригведе (X, 8, 8–9) и Брихаддевате говорится об асуре Вишваруне, то есть обладающем всеми формами, а это – эпитет Вишну.

себя предкам в зверином облиии. «В сем сходятся дьявол Сварожич и вождь святых, ваш и наш Маврикий? Те, кто впереди вздымает священное копье, и те, кто пачкает человеческой кровью дьявольские знамена?» (1008) (Письмо св. Бруно Кверфутского к императору Генриху III цит. по: Матерь Лада, 2006).

«... Суть иные вендов роды, между Эльба и Одер реками живут и далеко к полудню простираются, как и гурули, гевельды, сущие при Гибале реке и Доксе, левбузы, ивилины, сторреланы с иными. К западной же стороне провинция винулов, которыми ленчане и редари именуются. Город их славный Ретра, там капище великое и главный бог их – Радегаст... Их четыре племени и они называются лютичами, или вильцами; из них хижане и черезпеняне, как известно, обитают по ту сторону Пены, ратарии же и долечане желали господствовать вследствие того, что у них имеется древнейший город и знаменитейший храм, в котором выставлен идол Радегаста, и они только себе приписывают единственное право на первенство потому, что все славянские народы часто их посещают ради получения ответов и ежегодных жертвоприношений... » (Гельмольд, 1963).

Френцель говорит о нем так: «*De Radegastos. Marte Soraborumque altero supremo Deo*» (Френцель А., *Commentarius*). Следовательно, в сербо-лужицком пантеоне «второй высший бог» Радегаст – фигура не менее значимая, чем сам Свентовит, а Ретринский храм не менее значим, нежели Арконский. Но все-таки Радегаст и Свентовит, скорее, разные боги: у них очень разная атрибутика.

Осенний обряд «мост Таусеню», восстановленный на основе свидетельств западноевропейских источников

Одновременно, возможно, имеются сообщения о Радогосте и как об историческом лице. Греческий историк Феофилакт Симокатта, повествуя о войне Византии с аварами и славянами-антами, упоминает вождя последних Ардагаста: «Ардагаст отправил полчища славян для похода за добычей» (Свод... , т. II, с. 19) и так далее. Но в примечании к тексту сказано: «Имя славянского вождя Ардагаст отчетливо делится на две части. Вторая его половина возводится к общеславянскому **gostь* “гость” из герм. **gast* (см. Свод, I, 335), но первая вызывает споры. Если согласиться с тем, что ликвидная метатеза имела место еще на стадии праславянского языка, тогда корень “арда” вполне можно считать видоизмененным “рада/o”

а все имя – звучащим как “Радогость”... По сообщениям Адама Бременского и Гельмольда, так называли главного бога поморских славян... В качестве антропонима это имя широко встречается в древнеболгарском, старочешском и старопольском языках. Однако М. Фасмер критиковал эту гипотезу на том основании, что ликвидная метатеза относится в славянских языках к более позднему времени... Этот контраргумент весьма серьезен, но все же следует помнить, что в греческих заимствованиях из других языков гласные часто меняются местами с плавными согласными – по мнению Е. Ниминена, это могло произойти и в данном случае» (Свод... , т. II, с. 45).

Вместе с тем многие историки (см., напр., Алексеев, 2005, с. 271) считают правильным как раз имя Радогост. В таком случае мы можем иметь дело с обожествлением легендарного предка-воителя. Увы, сведений об Ардагасте/Радогасте немного. Известно, что Ардагаст был не простым союзником аваров, державших тогда в зависимости часть антов, даже не только вождем племени или союза племен, но имел в своем подчинении некоторую территорию («подвластную страну»).

Итак, сведения о почитании или следы почитания Радегаста/Радагаста, вопреки критикам, обнаруживаются в балтийском регионе, у чехов и в области расселения вятичей в Восточной Европе. Постепенно становится более ясным и смысл имен богов: «При толковании имени польского короля “Земовит”, сына легендарного Пяста, хронист приводит народное толкование его имени. По мнению же польских лингвистов (*Zierhoffer K., Tasszycki W.*), первая часть имени Земовит (*Semouitus*) восходит к праславянскому и старославянскому *sem, senrbja* (семья; лат. *persona*), а вторая – к общеславянскому *vit* (хозяин, владелец; лат. *dominus*)» (Великая хроника, 1987, с. 63, 208).

Таким образом, суждение лингвистов применительно к именам Световита, Яровита, Ругевита, Поревита означает, что первый есть властитель Света; второй – хозяин Яри (яро-сти, подобной буйству природы весной?); Руевит – хозяин ругов, а Поревит, возможно, достатка или прибытка.

Вопросы и сомнения

– Прав ли В. Н. Татищев, ставя знак равенства между «варварами», напавшими на Рим в 402 г., и славянами, первые археологически достоверные сведения о которых датируются VI в. (их связывают с так называемой культурой Прага-Корчак)?

– Каково соотношение Свентовита и Кръта, если вообще возможно говорить о чем-то подобном?

– Фантастическое допущение: Сварожич и Свентовит – может ли быть так, что суффиксы этих слов есть разные (диалектные) прочтения одной и той же формы (отчества), а не к основе «хозяин» – Сварог-Сварожич, ?-Светович/Светич?

Велес. Трикстер в славянской традиции

Слово *trickster* (англ. «обманщик, ловкач») пришло в современный русский язык из языка психологов и означает персонажа, который, невзирая на внешне отрицательные черты, в конечном счете действует скорее во благо, хотя способы его действий могут вызывать, мягко говоря, неприятие.

В предшествующих работах одного из авторов (Гаврилов, 2004; Гаврилов, 2006б) архетип трикстера уже был рассмотрен довольно подробно. Основные черты его таковы:

1. Трикстер появляется для нарушения сложившихся устоев и традиций, он привносит элемент хаоса в существующий порядок, способствует деидеализации, превращению мира идеального в мир реальный.

2. Трикстер – неподконтрольная никому фундаментальная Сила, результат действия которой непредсказуем даже для самого трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социально-культурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча.

3. Трикстер традиционно выступает посредником между мирами и общественными группами, способствует обмену культурными ценностями между ними и переводу информации из области непознанного (Мир Иной, Навь) в область познаваемого (Белый Свет, Явь). Он делает неявное явным, первым вторгаясь в область неизведанного.

4. Трикстер – господин многих искусств, мастер на все руки, иногда он – спутник культурного героя, его проводник или его Тень, а то и сам культурный герой; тот, кто проверяет претензии героя на Силу. Трикстер – добытчик знаний через нарушение социального или космогонического запрета, инициатор мифологического (архетипического) действия.

5. С точки зрения этической системы культурного героя трикстер почти всегда аморален. Он стоит на грани мира людей и первобытного мира Дикой Природы, поэтому с точки зрения человека как общественного существа смешон, нерассудителен или бессознателен. Зачастую обладает ярко выраженными чертами соблазнителя-гиперсексуала и обжоры. Склонен к перемене пола.

6. Трикстер – оборотень, перевертыш, игрок, для него не существует привычного представления о жизни и смерти, ибо игра всякий раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена (Гаврилов, 1997, с. 67–73; Гаврилов, 2006б). Он не всегда выходит победителем из затейной игры и может попасть впросак, став жертвой собственной хитрости.

7. Трикстер выступает как Старый Мудрец, с одной стороны, и как юнец – с другой, в зависимости от того, каков находящийся рядом с ним культурный герой, чье чувство собственной значимости Трикстер умалает.

Черный и белый боги – сотворцы Мира

Кто же есть трикстер в мифологии древних славян и в их, так сказать, «домашней» Природной вере? Первый, кого обычно называют исследователи – Черт. Хотя образ черта, конечно, имеет дохристианское происхождение, между чертом в язычестве и чертом в христианстве есть разница. В отличие от христианского, в языческих представлениях черт не плохой, а просто иной, так как находится за чертой жизни и смерти. Говоря современным языком, он такой же «аутсайдер», как и Трикстер.

Идол Одина. Из скандинавских древностей

Нельзя не признать, что христианские представления о дьяволе оказали серьезное влияние на облик беса и/или черта. В фольклоре и на народных картинках черти – антропоморфные существа, покрытые черной шерстью, с рогами, хвостами и копытами (нередко с одним копытом, что есть признак одновременного пребывания в двух мирах или принадлежности Иному миру). Черт – вылитый греческий бог природы Пан, плоть от плоти Дикого Леса.

Известны народные представления о подвижности, «вертлявости» чертей (бесов), их способности к исключительно быстрому передвижению (Березович, Родионова, 2002, с. 7–44). Черт, подобно трикстеру, находится в пространстве, отдельном от людей и от богов. Ему присуща способность к оборотничеству: он превращается в черную кошку, собаку, свинью, змея, но чаще всего в человека – странника, младенца, кузнеца, мельника. Черт постоянно вмешивается в жизнь людей, причиняет мелкие неприятности, принуждает к неоправданным поступкам, насылает морок, заставляет плутать пьяных, провоцирует на преступление, самоубийство, соблазняет женщин, стремится заполучить душу человека (Мифы..., т. 2, с. 625).

Но в итоге «порча» Божьего Творения чертом оказывается посвятельным испытанием, которое устраивает Темное начало Светлому.

Известно, что скандинавского бога-трикстера Одина именовали богом висельников (повешенных). В этой связи упомянем о связи веревки вообще с нечистой силой или даже дьяволом. Это находит отражение в ситуации самоубийства, которое «благословляется» нечистой силой. Бытуют истории о том, как девушка, привязавшая веревку, чтобы повеситься, была спасена ангелом-хранителем, после чего услышала брань удалявшегося черта (Новичкова, 1995, с. 596); как мужик, собиравшийся повеситься, видел во сне ухмылявшегося черта с веревкой (Черепанов, 1996). «Воздействие нечистой силы на висельника, надевающего на себя петлю по наущению или прямо с помощью дьявола, считается и у славян почти повсеместно причиной самоубийства» (Славянские древности..., т. 1, с. 378). Вспомним и о чудодейственных свойствах, приписываемых веревке, из которой была сделана петля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 159,00р. (на 02.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.